

Этери Чаландзия
Архитектор снов

Чаландзия Э. О.

Архитектор снов / Э. О. Чаландзия —

Семья Майи, профессионального и успешного фотографа, погибла много лет назад. Но девушка не одинока, ее окружают не родные, но любящие и влюбленные люди. Однажды на фотографиях Майи начинают проступать неясные изображения – словно кто-то пытается проникнуть в этот мир, прорвав глянцевую поверхность снимка. Кто это, почему так происходит и какое отношение имеет к Майе? Поиски ответов на вопросы и череда странных событий приводят героев в пространство, где сон и явь подменяют друг друга, где оживают воспоминания прошлого и забытые лица тревожат воображение...

Содержание

Пролог	6
Утро Майи	8
Странные снимки	18
Съёмка у Меньшиковой	25
Переезд	34
Ночь у воды	39
Обед с Кариной	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Этери Чаландзия Архитектор Снов

*С благодарностью
Владимиру Мирзоеву*

Пролог

*«We are such stuff
As dreams are made on and our little life
Is rounded with a sleep...»
Shakespeare. «The Tempest»*

*«Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь».*

*У. Шекспир. «Буря»
Перевод М. Донского.*

В комнате было жарко натоплено. Потoki теплого воздуха заставляли тихо покачиваться широкие листья растений. Растений было очень много. Они стояли на полу, каминной полке, столах и стульях, некоторые теснились по углам, куда не проникал ни тусклый свет огня в камине, ни желтый колеблющийся круг от свечи, пристроенной на краю массивного стола. В стороне в высоком кресле неподвижно сидела старуха. Сильные, скрученные подагрой пальцы воскового цвета уверенно лежали поверх деревянных подлокотников, выточенных в форме когтистых тигриных лап. На руках мерцали драгоценными камнями несколько массивных колец.

Лицо старухи было густо покрыто штриховкой крупных и мелких морщин, но оно сохранило былые очертания. Высокая прическа подчеркивала царственный лоб. Эта женщина была еще красива, а ее властный взгляд не затуманили ни слабоумие, ни маразм. Она сидела неподвижно, наблюдая за агонией пламени в глубинах камина.

– Петька – дурак! – отчетливо и со злостью вдруг произнесла она. – Всегда дураком был.

– Господи, Ида Аполлинарьевна! – донесся укоризненный вздох. – Супруг ваш, царство ему небесное, уже семь лет, как помер. Будет вам.

У стола, склонившись над бумагами, сидела невзрачная, ничем не приметная женщина в простом платье и очках.

– Не гневите Бога, – пробормотала она, обмакивая перо в чернильницу.

Внезапно старуха с силой ударила ладонью по подлокотнику.

– Ты мне не указывай, чего делать! Та съезжилась и втянула голову в плечи.

– Девки обе избалованные, капризные, мать над ними власти не имеет, Андрей только и рад будет им все оставить! А меня кто спросил?! – голос старухи гудел под сводами комнаты.

– Конечно, не свое же отдает!

В ее глазах плясали искры огня и гнева. Женщина скрипела пером по бумаге.

– Не будет добра, – упрямо бормотала она, ссутулившись над своей работой, – ой, не будет. И Андрей Петрович осерчает.

Старуха недовольно жевала губы, поглядывая в ее сторону.

– Пускай себе, – неожиданно спокойно произнесла она. – Мальчишка еще. «Семья, семья...» – у самого ветер в голове. Вон, по бабам шастает...

– Ой, ну что вы говорите, Ида Аполлинарьевна? – ее помощница сокрушенно покачала головой.

– Я правду говорю! Ты пиши давай, время-то идет.

Словно в подтверждение ее слов, со скрипом сдвинулись стрелки на часах, упрятанных в тени зеленых зарослей. Наконец, женщина закончила и подняла голову.

– И все драгоценности приоту завещаете? Ничего не оставите?

– Ничего. Старшей внучке медальон подарю на день рождения, как обещала, – старуха подняла тонкую цепь и придержала пальцами качнувшийся в воздухе плоский диск, украшенный россыпью переливающихся камней. – И хватит с них. Им и так по дедовскому завещанию и дом, и все деревни отойдут...

Помощница вздохнула. Внезапно старухе что-то пришло в голову. Она живо обернулась к женищине.

– Лизка, а будут выспрашивать чего, так ты им скажи, что я все завещала любовнику.

Рука с пером взметнулась кверху – женищина поспешно перекрестилась. Большая капля чернил упала ей на лоб. Она почувствовала ее и оттерла, оставив некрасивую темную отметину на лице и ладони.

– Какому такому любовнику, помилуйте?

– Так и скажи: «Завещала своему адюльтеру...» А имя не говори. Не знаешь – и все!

– Батюшки святы... – запричитала было Лиза, но старуха перебила ее.

– Ну что ты, закончила?

Та поспешно встала и приблизилась к креслу.

– Да, пожалуйста, распишитесь здесь... и вот здесь.

Старуха забрала у нее бумагу, сунула перо в чернильницу и властной рукой поставила свою размашистую подпись в конце страницы: «Ида Авельева».

– Вот так!

И опять с пера упала большая капля. Но на этот раз она растеклась черным пятном на бумаге прямо под старухиной подписью.

– Не будет добра, Ида Аполлинарьевна, – бормотала Лиза, – ой, не будет...

– Хватит тебе причитать! Надоела прямо. Что будет, то будет!

Старуха откинулась на спинку кресла. Она не отрываясь следила за огнем, бьющимся в камине. Но – Лиза присмотрелась, и вновь ее рука потянулась к крестному знаменю – ей показалось, что взгляд старухи мигает и огонь, и стены камина и, не задерживаясь на видимом, скользит куда-то вдаль, в глубины неизвестного и тревожного будущего...

Утро Майи

В то лето в городе было жарко. Целыми днями солнце плавilo ртуть в стеклянных колбах термометров, короткие ночи пролетали незаметно, почти не принося облегчения, и с восходом город вновь погружался на дно раскаленного и вязкого полусна. Потом внезапно в небесных механизмах что-то переключалось, теплый ветер начинал рвать навесы летних кафе, нагонял сизые, серые, черные тучи и над крышами домов разражалась неистовая летняя гроза. И вновь небосвод светлел, радужные арки вставали над вымытым городом, воздух наполнялся запахом электричества и от земли поднимался влажный пар.

Жара распугала горожан. Кто мог, улетел в далекие края, кто-то убрался в пригород, но почти все, кто так или иначе оказался втянутым в эту историю, оставались здесь, терзая свои кондиционеры и форточки, изнывая от палящего солнца и перебиваясь от одной грозы до другой.

В то утро в окна небольшой квартиры на десятом этаже ничем не приметного дома било яркое утреннее солнце. Ни шторы, ни жалюзи не препятствовали мощному потоку, и он обильно заливал всю квадратуру полупустой комнаты, вытравляя тени из самых дальних углов и отражаясь от простыней, свешивавшихся с края кровати пышной пеной сбитых сливок.

На стене над кроватью висела большая черно-белая фотография. От основания длинного росчерка, похожего на извилистую набухшую вену, во все стороны разбегались сотни мелких линий-трещин. Не сразу было разобрань, что это – изображение дерева с кроной-паутиной или молнии, высветившей ночное небо. Казалось, что все-таки это удачный снимок разбушевавшейся стихии, однако некоторая неопределенность оставляла простор воображению.

Кроме фотографии и огромного зеркала, завернутого в целлофан и прислоненного к стене, в комнате не было ничего необычного. В углу, сгрудившись, стояли несколько коробок. Сложно сказать, вещи из них еще не доставали или они уже были упакованы. Обстановка здесь была такой скудной и непритязательной, что шесть разнокалиберных и натертых до блеска объективов от фотокамеры, выстроенных по росту в углу, казались украшением этого походного и проходного жилища.

На гвозде у двери висела связка ключей. На подоконнике в беспорядке громоздились журналы и книги. Под кроватью маячила початая бутылка коньяку и пепельница, переполненная окурками. Одежда, сброшенная в кресло, была совершенно неопределенного вида и размера и могла быть с чьего угодно плеча. На середине комнаты стояли тяжелые армейские ботинки, один из них запутался в длинных шнурках и завалился на бок. И только нежная пятка розового цвета, свешивавшаяся с кровати, ставила точку в размышлениях об обитателе этого странного жилища. Вернее, обитательнице.

Майя крепко спала, завернувшись в простыню. Тени от длинных ресниц острыми лучами лежали на ее щеках. Веки были неплотно прикрыты, и в узком зазоре двигался влажный глазной белок, проводник в мире видений и грез. Казалось, этот сон ничем не потревожить. Однако тихого перезвона телефона оказалось достаточно, чтобы Майя открыла глаза. Звук раздавался где-то совсем близко. Она пошарила рукой вокруг себя. Тщетно. Внезапно все стихло. Майя уронила было голову обратно на подушку, но телефон зазвонил вновь.

– Какого черта! – вырвалось у нее, и она поползла по кровати, перерывая ее белоснежные глубины. Наконец Майя нашла телефонную трубку.

– Да, алло? – выдохнула она в нее. – А, это вы... Здравствуйте. Да, разбудили. Я спала. Ладно, ничего. Что там у вас?

Она с головой скрылась под простыней. Некоторое время оттуда доносилось бессвязное бормотание, но внезапно Майя вынырнула на поверхность. Теперь ее голос звучал отчетливо и возмущенно.

– Ну что вы говорите такое? Ничего подобного! Сначала она снимала парад нацистских войск, а потом – аборигенов в Африке.

Она села на кровати, свернув простыню белой плюшкой вокруг себя.

– Вы что, думаете ее действительно интересовал этот Третий рейх? – фыркнула она. – Я вас уверяю, гораздо больше ее беспокоил крошка Геббельс, который путался в ногах, мешал работать и стучал шефу.

Майя свесилась с кровати и нащупала на полу пачку сигарет. Выдернула одну, прикурила, невнимательно и нетерпеливо слушая кого-то на другом конце провода.

– Терпеть не могу эту болтовню, – проворчала она, не вынимая сигареты изо рта. – «... фотография, как способ усложнения существующего пространства, многомерность, искажение измерений...» Я вас умоляю. Какая чушь! Белые пятна на ночных снимках – это рефлекс, отражение, блик – что угодно.

Да, глаз их не видит, но мы вообще много чего не видим. Никто же не пугается радиоволн...

Она выдохнула длинный хвост белого дыма. Откинулась на подушки. Разговор ей явно наскучил.

– Ладно, чего спорить. Ваше дело. Хотите, верьте, хотите – нет. Только дайте мне прочитать готовый текст, хорошо? В какой номер, говорите, пойдет это интервью? Понятно. Хорошо. Что? Нужна моя фотография? Какая? Детская? Нет, детских у меня нет. Да, вот так. Ни одной не сохранилось. Мне тоже жаль. Ну, хорошо, созвонимся на той неделе. Спасибо, пока.

Она выключила телефон и, намотав на себя простыню, встала с кровати. Получился большой белый ком на тонких ножках с сигаретой в руке.

– Тоже мне, знатоки! Штатив от швабры отличить не могут, а все туда же! – передернула плечами Майя и вышла на балкон.

На улице галдели птицы, звенели трамвайные провода, сигналили машины, а над головой сияло высокое синее летнее небо. Майя подставила лицо солнцу. Под веками на красном фоне разбегались жаркие желтые круги. Майя стояла, напевая под нос и покачиваясь из стороны в сторону. Внезапно что-то обожгло ей пальцы. Она вскрикнула, открыла глаза и с отвращением отбросила догоревшую до фильтра сигарету. Уходить с балкона совсем не хотелось, но – она посмотрела на небольшой диск часов на запястье – пора было собираться.

Волоча за собой свой белый шлейф, Майя вернулась в комнату, пересекла ее и направилась в ванну. Сбросила простыню и, сверкнув загорелой спиной, юркнула за дверь. Вскоре оттуда донеслись звуки льющейся воды и счастливое фальшивое пение. Простыня так и осталась лежать перед дверью – большая белая легкая куча.

Тем временем в пустой комнате зазвонил телефон. После нескольких гудков включился автоответчик, наглым голосом он предложил не распинаться обо всем на свете, а оставить четкую и разборчивую информацию о том, кто звонит и какого черта надо. Пискнул сигнал записи, однако вместо голоса слышались шумы, шаги, шорохи и чье-то дыхание. Прерывистое, словно кто-то бежал или был крайне взволнован.

– Каким ты был, таким оста-лся... – вдохновенно выводила Майя за дверью, а тем временем здесь, в замкнутом пространстве этих светлых стен уже что-то произошло. Нечто неуловимое проникло, просочилось сюда вместе со странными звуками на автоответчике и немедленно внесло почти невидимые глазу искажения – воздух, свет, цвета окружающих предметов изменились, все стало чуть иначе, не так, как было еще пару мгновений назад. Треснуло стекло стакана, с подоконника упала книжка, скрипнул пол. Здесь явно кто-то был. И он не стал мешкать, а стремительно направился вперед, через всю комнату, к белой простыне, сугробом лежавшей перед входом в ванную. Все ближе. Все быстрее. Невидимый воздух дрожал. Еще совсем немного, еще пара мгновений, вот, сейчас чья-то рука дотянется до дверной ручки...

Внезапно раздался щелчок автоответчика. Запись закончилась. Звуки исчезли. Комната опустела. Наступила тишина. Только легкий ветер перебирал светлые занавески на окнах.

– ...и молодая не узнает, какой танкиста был ка-анец!

Во дворе дома, сидя в песочнице, дети играли в свои странные игры. Зис присмотрелся. Он подъехал к Майиному подъезду, вышел из машины и уже собрался было подниматься наверх, но передумал и, облокотившись на капот, остался наблюдать за тем, как мальчик мастерила что-то, отдаленно напоминавшее замок, а две девочки, сидевшие напротив, внимательно следили за ним и выводили пальцами таинственные знаки на песке. Потом все трое стали сосредоточенно рассматривать то, что получилось. Внезапно мальчик разрушил часть построенного, а одна из девочек слепила что-то вроде нового флигеля или башни. На первый взгляд это было не лучше и не хуже оригинала, но ее подруга вдруг так горько и безутешно разревелась, что старуха, дремавшая в стороне на лавке, вздрогнула, всхрипнула и, не просыпаясь, проворчала: «Нет покою! Нет!»

Рев усиливался, и Зис уже было решил вмешаться, как вдруг хлопнула тяжелая входная дверь и на пороге подъезда в своих любимых поношенных кедиках, вечных джинсах, в майке с рваными краями, с сумкой через плечо и сигаретой в зубах появилась сияющая Майя. Зис невольно залюбовался ею – взъерошенная прическа, стройная фигура, независимая походка, нагловатый взгляд – Майя подошла к Зису, обняла его и быстро поцеловала куда-то в ухо. Зис недовольно повел носом.

– Ты прямо какая-то никотиновая пчела. Где запах табака – там ты.

Майя подняла палец с сигаретой.

– Нет, не так. Где я – там запах табака!

– У меня машина для некурящих.

– Это я уже лет пять слышу, – не вынимая сигареты из зубов, Майя полезла на пассажирское сидение.

– Ты едешь? – спросила она.

– Сейчас. – Зис вернулся к происходящему в песочнице. А там ревели уже в три голоса, размазывая песок по лицам и пуская слюни и сопли. Очнувшаяся наконец бабка прыгала вокруг надрывающихся строителей, изо всех сил показывала козу и бубнила что-то о Господе Боге и отце Сергии Радонежском. Но в песочнице разворачивалась настоящая трагедия, и старуху там просто не видели из-за залитых слезами глаз и не слышали из-за громкого воя.

Зис присмотрелся. Белокурая малышка с развязавшимся бантом на голове, рыдала так искренне и безутешно, что даже два ее товарища периодически затихали на мгновение, дивясь силе горя подруги. Оценив положение дел, Зис подошел, ловко поднял девочку на руки, вынул из ревающего круга и сел с ней на край песочницы.

Из машины Майя видела, как старуха падала в песок от страха, а Зис что-то тихо говорил девочке на ухо. Вообще-то малышка замолчала сразу, едва оказавшись на руках незнакомого рослого дяди. Завороженная то ли его видом, то ли тем, что он ей шептал, то ли просто от неожиданности, но она забыла о своем горе, заулыбалась, а потом и вовсе начала хихикать. Когда Зис опустил ее обратно к растерянным и притихшим детям, она немедленно затоптала полуразрушенную песочную постройку и с гордостью посмотрела на него. Зис с уважением кивнул и откланялся.

У машины он обернулся. Все трое, возможно, организованные взявшей себя в руки, благодарной бабкой, махали ему вслед. Зис помахал в ответ и сел в машину.

– Что ты ей сказал? – спросила его Майя.

– Брошишь курить – скажу!

– Бросаю! – Майя действительно выкинула окурочек.

– Э-э, нет. Выбросишь пачку, тогда поговорим.

– Черта-с-два я буду пачками кидаться!

Зис открыл окно, разгоняя остатки табачного дыма.

– Куда едем?

– Туда же.

– Опять? Что на этот раз?

– Кондиционер.

– Почему ты мою не хочешь взять, я не понимаю.

– А ты на чем поедешь? На метро? Да нет, они говорят, вроде все сделали. Поменяли термостат и фильтры.

Зис завел машину и тронулся.

– Что за человек – курит, хамит, умничает и ездит черт знает на чем... – он покачал головой.

Майя несильно ударила его по затылку. Машина выехала со двора и, как только она скрылась за поворотом, в песочнице заорали с новой силой. Вся троица безутешно выла на отвлеченную тему, а старуха отчаянно металась от одного к другому, тщетно пытаясь прекратить это безобразие.

На первом этаже высотного здания неумоимо крутилась стеклянная вертушка, пропускающая все новые и новые группы служащих, спешащих на работу. Они муравьиными цепочками тянулись отовсюду – из подземных переходов, из-за каменных углов зданий, скапливались у светофоров и потом, по сигналу, плотным потоком изливались на пешеходную зебру. Женщины отчаянно семенили на своих каблучках и платформах, на ходу одергивая блузки, поправляя прически и озабоченно поглядывая на часы. Мужчины шли более плотной и тяжелой массой – дешевые костюмы, безнадежно замятые в коленях и локтях, в беспокойных руках – телефоны, газеты, складные зонтики на случай непогоды.

Утренний свет был частью игры, в которую с детства играло большинство этих взрослых. Едва солнечные лучи заливали горизонт, огромная человеческая армия, подобно растениям, разворачивалась навстречу новому дню. Мириады будильников стрекотали над сонными головами, глаза открывались и, покачиваясь от ночных грез, граждане сначала брели в ванную, а потом собирались в дорогу. И мало кто, борясь со сном в переполненном вагоне метро, наслаждался утренним часом. Все самое соблазнительное манило в глубине дня, где-то ближе к его середине скрывались и приятная новость, и желанный час перерыва на обед и даже, возможно, нежное свидание.

Но находились и те, кто боялся грядущего дня. Возможно, они обладали особой прозорливостью. Возможно, подозрительностью. А может, просто опасались всего на свете. Но, прихлебывая свой кофе на маленьких и одинаковых кухоньках, они размышляли о том, что где-то в городских глубинах встал (спит, принимает душ, еще не ложился) неизвестный, который вскоре пройдет мимо и внезапно толкнет плечом на рельсы под электричку. При мысли о том, что этот человек уже начал свой день, готовя окончание дня чужому, становилось отчаянно страшно.

Большинство фантазеров все-таки пересиливало мучительное желание немедленно раздеться и юркнуть обратно в кровать и отправлялось в путь. Но даже если хотя бы один из них в этот день оказывался прав и замирал, упав ничком на железнодорожное полотно, не означало ли это, что в столь беспочвенных подозрениях всегда найдется место ничтожной вероятности?

Тех, кому в этот день везло, так же как и во все другие, неведомая сила привычки затягивала через мельничное колесо вертушки внутрь какого-нибудь казенного здания. Лифты развозили их по этажам, коридоры разводили по кабинетам. Целый день до вечера их усердные головы свешивались над столами, позвоночники скрипели, суставы похрустывали, и короткие перекуры на лестничных площадках не приносили облегчения. Оставалась надежда на то, что, пока несчастные тела бесславно томились, отчаянно работали силы ума и фантазии этих доб-

ровольцев, ежедневно оставляющих свои продавленные диваны и кресла в пользу такого нездорового времяпрепровождения.

– Анята, – в дверь просунулось хорошенькое свежее личико, украшенное легкой челкой на косой пробор. – Пойдем, покурим?

За широким столом сидела похожая на взъерошенную птичку Анята, секретарь Карины Платовой, главы издательства. Она мелко-мелко перебирала ногами, стараясь стряхнуть узкие, уличные, синие лодочки и поменять их на другие, точно такие же, но кабинетные, красные.

– Сейчас, сейчас, – с трудом произнесла она, не в силах одолеть непокорную обувь.

По коридорам с грохотом прокатили огромные пузыри с ключевой водой. Телефонные звонки доносились из-за перегородок, из лифта, перебрасываясь короткими отрывистыми фразами, выбегали опоздавшие к утренним летучкам сотрудники.

Лодочка, наконец, упала с ноги, и две девицы выскользнули в коридор выкурить свои первые сигареты. Пахло кофе. День набирал обороты.

Тем временем по периметру замусоренного пустыря станции техобслуживания, воровато озираясь, крался разбойного вида кот с перекошенной мордой и драным хвостом. Кот тащил в зубах сворованную где-то рыбу. Добыча была настолько шикарной, что он, похоже, сам не верил своему счастью и мечтал только об одном – побыстрее спрятаться, чтобы в тишине и спокойствии обглодать свою селедку до перламутрового скелета.

Маршрут кота уже явно приближался к завершению, когда произошло непредвиденное. Запах рыбы сводил с ума полосатого разбойника, а половину обзора перекрывал плавник. Так кот прозевал самую главную опасность – в тени полуразрушенных автомобильных остовов на боках валялись и отдыхали местные блохастые барбосы. Если бы кот взял чуть правее, их пути бы разошлись, но он прошел так близко, что едва не ударил рыбьим хвостом по морде жожака стаи. Драка вспыхнула мгновенно. Автомобиль Зиса медленно въехал во двор.

– Что за день, – осматривая катающихся по земле псов, проворчала Майя. – То дети орут, то собаки брешут. Ладно, я пошла. Дождешься меня?

Зис кивнул и заглушил двигатель, она выскочила из машины и скрылась за облезлыми дверями гаража. У Зиса зазвонил телефон, он поднял стекла, чтобы хоть немного приглушить звуки истошного лая.

– Алло, да, я слушаю. Марго, привет! Все нормально. Нет, мы в техцентре. Что за шум? – он выглянул в окно. – Майя с механиками счет обсуждает. Да, я тебя слушаю... Ага...

Увлечшись разговором, Зис не сразу заметил, как из ворот, перекрывая визгливый лай псов и возмущенные вопли кота характерными звуками пробитого глушителя, выехал элегантный старый «мерседес» черного цвета. Автомобиль описал дугу и притормозил рядом с Зисом. Из окна высунулась довольная физиономия Майи. Зис поспешил распрощаться.

– Да, Марго, я все понял. Созвонимся, пока!

Он отключил телефон. Осмотрел Майину машину.

– А глушак что же – не стали делать? – поинтересовался он.

– Нет, я не дала.

– Понятно. Ну что же – поздравляю! Майя довольно улыбнулась.

– Кто звонил? – спросила она.

– Марго. Снимаем Меньшикову, жену губернатора.

– На когда договорились?

– На неделе. Еще созвонимся.

– А куда ехать?

Зис не принужденно посмотрел куда-то на восток.

– В Савельево.

Майя уставилась на него, словно не веря своим ушам, и в сердцах ударила по рулю. Возмущенно пискнул сигнал клаксона.

– Что за люди! Я же просила Марго не посылать больше туда. Что б ее... – она злобно выдохнула. – Ты куда сейчас?

– В издательство.

– Понятно. – Майя передернула переключатель скоростей. – Передавай от меня большие приветы. Марго отдельный.

– А ты?

– Поеду, фильтры посмотрю, штатив какой-то новый привезли, а потом в студию. Ты приедешь?

– Вечером.

– Хорошо. Ну, пока. Зис склонился к окну.

– Пока. Осторожно...

Майя раздраженно кивнула то ли его словам, то ли своим мыслям, и «мерседес», грохоча и отфыркиваясь, укатил со двора. Зис проводил его взглядом, с улыбкой покачал головой и сел в свою машину. Когда его джип скрылся за воротами техцентра, двор опустел. Собаки и несчастный, ограбленный и помятый кот, разбежались и затихли, и только большая рыба одиноко оставалась лежать на земле, нарушая своим присутствием логику сухопутного пространства.

Со славной деревней Савельево Майю периодически связывали обстоятельства. То одни, то другие. Из местного интерната ее забрали родители Карины Платовой, ее приемной сестры. Здесь же, неподалеку, семья снимала летом дачу, и Майю пробовали возить за город, но каждый раз, как только машина сворачивала с основной магистрали на проселочную дорогу, она заливалась такими безудержными слезами, что прогулки в эту деревню, впрочем как и в другие, решено было прекратить.

Для всех оставалось загадкой, что так пугало малышку, но по всем признакам это не был бессмысленный детский саботаж – ее глаза наполнялись страхом, слезами и таким невыразимым страданием, что всем становилось не по себе. С возрастом эта странность прошла, но Майя и сейчас не испытывала радости, покидая загазованный и шумный центр в пользу очаровательных пригородных лугов. Особенно савельевских.

Места здесь были таинственные. С одной стороны деревню украшало озеро, получившее название Туманного из-за вечно висящего над ним полупрозрачного облака. Облако не отступало ни в жару, ни в непогоду. Даже зимой над коркой льда скапливался этот призрачный дым. С трех других сторон к Савельево подступали густые, прямо-таки берендеевские леса. По непроверенным данным местных старожилов, в них водился весь пантеон героев сказок, былин и народных преданий. Периодически кто-то своими глазами видел жабу размером с «Запорожец», а кто-то божился, что своими ушами слышал, как эта самая жаба разговаривала человеческим голосом. Потом молва доносила, что повадками жаба сильно смахивала на местного председателя Федора Степаныча Полицейко, ему припоминали, что он продал лучший кусок родной земли каким-то черноусым и носатым людям, и по деревне проносилась волна негодования, замешанная на сладком ужасе. Позже история с жабой теряла свое очарование, потому что сразу в трех домах видели, как расступался лес и из него выходил сначала пар, а потом дух одного из умерших жителей этой деревни...

Все это довольно сложно было проверить. Рассказчики бледнели, краснели, тряслись, убедительно прикладывали руки к сердцу и периодически хлебали то валерианку, то водку. От такого коктейля ужасающие детали только множились, и жаба раздувалась до размеров индийского слона, а оживший покойник начинал пророчествовать и все не в пользу Полицейки.

Однако, несмотря на буйство фантазии, приправленной плохим алкоголем, приходилось признать – в этой деревне порой действительно творились странные вещи. Объяснения некоторым не было. Например, каждую весну то тут, то там из земли вытягивались невиданные растения. Ростки выглядели твердыми, черными и совершенно мертвыми. Стояли они недолго,

ветер, солнце и дожди довольно быстро приканчивали сухие побеги. По правде говоря, одного неосторожного движения пальцев было достаточно, чтобы эти жесткие на вид листья и стебли превратились в черную пыль. Ветер подхватывал ее и уносил по воздуху в неизвестном направлении.

Никто не мог сказать, что это за растения. Деревенские знатоки, различавшие деревья по запаху почек, разводили руками, тех же умников, что бросались рыскать по энциклопедиям, ждал неприятный сюрприз – ничего подобного ни толстые, ни красные книги не знали. Не находилось ни вида, ни семейства, ни авторитетного названия этим высохшим цветам.

Пара дипломированных ботаников, привезенных местными энтузиастами в савельевские сады и огороды, не смогла сказать ничего определенного. Оба ученых, перегруженных собственным избыточным весом, полдня потели, с умным видом щупали землю и изо всех сил старались произвести впечатление на местных барышень. Барышни тучными специалистами в области гербариев не заинтересовались, ботаники бесславно протоптались по деревне до заката, стрясли пару щепоток черной пыли в конверт и заявили, что необходимы лабораторные анализы. Местный Полкан покрутил хвостом им вслед, и больше их никто в деревне не видел. Ходили слухи, что их вообще больше никто никогда не видел, что машина, на которой они ехали, через месяц всплыла где-то в Балтийском море, а лаборатория тем же вечером сгорела. Но поскольку эту информацию сопровождал все тот же устойчивый запах водки и валерианы, скорее всего, ботаники просто забыли обо всем за поворотом, конверт выкинули и вернулись к своим насущным делам.

Прославить савельевскую землю опять не удалось, и интерес к странным побегам закончился сам собой. Теперь большинство воспринимало их как разновидность новомодного сорняка, и только здешний священник отец Исидор со своей женой Галиной и кучкой прихожан каждый год по весне отправлялись крестить подтаявший снег. Однако «поганые метелки», как они их называли, никуда не исчезали и с первыми оттепелями начинали лезть из земли.

Поговаривали о какой-то женщине, которая увидела один такой черный куст и ушла в монастырь. Правда, по другим источникам выходило, что коварная бабенка обворовала ближайший колхоз и скрылась за монастырскими стенами от правосудия. Что такого можно было украсть в давно и профессионально разграбленном хозяйстве, оставалось тайной, но мысль о том, что нечистая сила, вместо того чтобы отвратить от бога, к богу и привела, не на шутку воодушевляла савельевских безбожников и алкашей.

Так, из разговоров о крупных жабах и несуществующих растениях, складывалась репутация деревни. От этого и по другим причинам жили теперь здесь в основном те, кому терять было нечего и чьи родные избышки уже склонялись крышами до земли, и другие, у которых было столько средств, что ни черт, ни пес, ни Полицейко в ступе были им нипочем. Воображение у этих товарищей отсутствовало, поэтому жили они беспечно и спали крепко. До поры до времени...

В тот день, после недели изматывающей жары, над Савельево, наконец, скопились дождевые тучи и предгрозовые сумерки. Гром ворчал в серой небесной массе, как в переполненном животе. Порывы сильного ветра рвали дверь в сторожку, стоявшую на отшибе деревни. Внутри было довольно темно, свет едва проникал в небольшое помещение через окно, затянутое марлей от комаров. Высокий мужчина в накинута на плечи темном плаще, ссутулившись, стоял над большим конторским столом и перебирал бумаги – квитанции об оплате, записки с фамилиями должников, какие-то договоры, списки, купчие с ятями, фотографии и пожелтевшие страницы, заботливо уложенные в прозрачные папки. Мужчина торопился и явно был раздражен. Одни бумаги он небрежно скидывал со стола за ненадобностью, другие приближал к глазам и, убедившись в чем-то, откладывал в сторону. Он был так увлечен этим занятием, что не заметил, как чья-то рука поймала беспокойную дверь в сторожку. На пороге встал старик, помощник знаменитого председателя.

– Эй, вы! Что вы здесь делаете? Я вас сюда не впускал. Разрешения не давал. Товарищ...

Он не успел договорить. Мужчина резко развернулся. Что-то произошло между ними. Старик застыл. Вена набухла и застучала на его виске. Он бессмысленно таращил на незнакомца вылинявшие от времени глаза, но уже не видел его и вскоре рухнул на пол. Мужчина спокойно отвернулся к столу и продолжил разбор бумаг.

Наконец он, видимо, нашел все, что искал, еще раз бегло просмотрел несколько отложенных документов, бережно сложил их и спрятал во внутреннем кармане плаща. Затем скомкал оставшиеся бумажки, разбросал их вокруг тела старика, достал спички и, не раздумывая, подпалил. Огонь быстро охватил иссушенные временем страницы. Одна из них взлетела и в потоке горячего воздуха пронеслась совсем близко от виска мужчины, склонившегося над лежащим телом. Однако, он не обратил на это никакого внимания. Он следил за тем, как занимается одежда старика, и, только когда огонь набрал необратимую силу, и дым начал заполнять сторожку, мужчина поправил плащ на плече и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Струйки дыма уже сочились из всех щелей ветхой постройки. Незнакомец отступил в сторону и исчез, словно растворился. За все то время, пока он был в сторожке, его лицо ни разу не попало в лучи света. И дело было не в том, что после недели изматывающей жары над Савельево, наконец, скопились дождевые тучи и предгрозовые сумерки...

Майя передумала ехать смотреть штативы. Она взглянула на часы и достала телефон. – Это я, – сказала она в трубку, уверенно направляя одной рукой машину в плотном потоке. – Можешь говорить?

Синий бок дорогой иномарки начал притираться Майю к обочине. За рулем, высоко задрвав подбородок, сидела надменная белокурая принцесса.

– Куда же ты лезешь? – сквозь зубы процедила Майя, рискованно прижимаясь к машине. – Нет, это я не тебе. Скажи, у тебя был вариант где-то на набережной. Помнишь, ты говорила – небольшая квартира с балконом? Она еще не ушла? А ты мне можешь ее сейчас показать? Отлично. Какой точный адрес? Поняла. Все, встретимся внизу. Ну, пока.

Она отложила телефон, взялась за руль, осмотрелась и вдруг выписала такой вираж, что сзади в потоке возмущенно засигналили, принцесса растерялась, ее машина дернулась и заглохла.

Майя едва взглянула в зеркало заднего вида, нажала на газ и покатила вперед под аккомпанемент своего неукротенного глушителя. Вскоре, покрутившись по узким улицам центра, она подъехала к условленному месту. Не выходя из машины, Майя высунулась в окно и осмотрела дом. Это была толстостенная шестиэтажка с эркерами, большими каменными балконами и несколькими колоннами, украшавшими фасад. Майя уважительно кивнула дому и помахала рукой невысокой женщине средних лет в брючном костюме, которая деловито вышагивала у подъезда, придерживая плечом телефонную трубку у уха.

– И что, всего 500? – вместо приветствия спросила Майя, подходя к ней. – И это уже с твоими?

Та кивнула.

– Что-то слишком щедро. Не понимаю. – Майя, подняв голову, осмотрела фасад. – Пойдем внутрь, может, там стен нет?

Женщина только брови подняла и, не отрывая телефона от уха, направилась вслед за Майей к дверям подъезда. Естественно, в квартире были и стены, и отличный деревянный пол, и вид на набережную, и даже кое-что из мебели. Как только они вошли, Майина спутница сразу удалилась в кухню. Майя, едва прислушиваясь к ее деловитым переговорам, ходила по квартире, открывала двери, окна, заглянула в ванну, туалет, даже в холодильник.

– Ну, как? – прикрыла ладонью телефон женщина.

– Неужели всего 500? – опять спросила Майя, рассматривая варварски вскрытую банку с давно засохшей и окаменевшей сгущенкой, сиротливо приткнувшуюся в морозилке.

– Нет, я не понимаю, что вам не нравится?! – внезапно возмутилась женщина.

Майя вздрогнула. Однако это относилось не к ней, а к какому-то Марку Анатольевичу. Майе она раздраженно и энергично кивнула, дескать, 500, 500, успокойся, сколько можно повторять, и вернулась к своему не простому разговору.

Майя пожала плечами. Как такая роскошная квартира с таким видом, с таким – она посмотрела вверх – высоким потолком, отличным ремонтом и новыми кранами могла стоить 500 – непонятно. Она сунула стеклянную сгущенку обратно в морозилку и вышла из кухни.

Квартира понравилась ей сразу. Впервые за много лет ей захотелось здесь остаться. Обычно Майе было совершенно все равно, где жить. Она часто снимала углы на чердаках, в полуподвалах, в квартирах с ванной, установленной посреди гостиной, или с огромной дырой, зияющей в стене. А однажды почти месяц прожила в помещении бывшей частной пекарни. Место было зловещим, зато сама Майя и все ее барахло быстро и надолго пропитались запахом сдобы. Это было забавно.

Ее непритязательное отношение к жилью тоже можно было бы назвать забавным. Чистая постель, место для кофеварки и уединение – вот и все, что ей было нужно. Но все было не так просто. Майя селилась в этих дырах и... через несколько месяцев съезжала. Она собирала свои так и не разобранные коробки и волокла их в другую часть города. И каждый раз делала это без всякого сожаления, с видимым удовольствием покидая едва обжитые стены.

Не задерживаться на новом месте вошло у нее в привычку, но однажды переезд был таким стремительным, что напоминал бегство. Майя с содроганием вспоминала ту ничем не примечательную однокомнатную квартирку с электрической лампочкой вместо входного звонка. Внешне она была много лучше большинства ее медвежьих стоянок, но Майя уже на следующее утро пожалела, что переехала сюда. Чем здесь занимались престарелые глухие постояльцы, несколько лет снимавшие этот угол до нее, – неизвестно. Неизвестным осталось и то, в какие туманные дали они удалились. Словоохотливые жильцы немедленно доложили новой соседке, что старик со своею старухой пропали внезапно и бесследно, в один день или, вернее, ночь. Два месяца их ждали, потом из квартиры вывезли всю обстановку и сдали. Майе.

Сама по себе эта история не произвела на нее особенного впечатления, однако, распаковывая вещи, Майя обратила внимание на странный запах. Сначала такой незаметный и прозрачный, он постепенно сгустился, и только под утро, проснувшись, как от толчка, Майя поняла: это был запах сырой крови.

Помимо него каждую ночь Майю преследовал один и тот же навязчивый кошмар: она видела непропорционально большую воронку, свернутую из тьмы и во тьму ведущую. Наяву здесь все время скрипели полы, потрескивали стены и постоянно слышались чьи-то шаги. Зато снаружи не проникали никакие звуки – не было слышно ни перезвона церковных колоколов, ни гула лифта, ни раздраженных соседских криков. Эта квартира словно висела в воздухе, и Майя повисла вместе с ней. Ей пришло в голову, что если бы потусторонний мир размещался в пределах обычного жилого дома, адские чертоги отправились бы в подвал, райский сад на крышу, а эта квартира стала бы зоной нехорошего предчувствия, местом, где еще ничего не произошло, но уже пахло бедой.

Не склонная к мистицизму, но чрезвычайно брезгливая к запахам Майя удрала оттуда и постаралась побыстрее обо всем забыть...

Из кухни доносился раздраженный женский голос. Майя тряхнула головой, отгоняя нечаянные воспоминания, и зашла в комнату. Здесь было пусто и просторно. И ничего не надо было переделывать – светлые стены, хорошие оконные рамы, кокон китайского фонаря вместо люстры под потолком и даже широкое потертое кресло. Майя тронула кожу. Та скрипнула под ее ладонью.

Она выглянула на улицу – ветер теребил зеленые макушки деревьев, выстроившихся вдоль набережной. Ниже, в желобе каменного русла, текла все время в одну сторону бурая

лава городской реки. Майя улыбнулась. Ей нравился этот вид. Она постояла еще немного и направилась в коридор. Повозилась с тугим замком, открыла его и вышла на лестницу. Три двери на площадке, внизу пролета – лифт. Чисто, тихо. Майя, повинувшись внезапному желанию, подошла к соседней двери и нажала кнопку звонка.

Мелодичный перезвон был слышен с площадки, однако в квартире никто не шевельнулся и Майя, повторив свою попытку, уже решила было уходить, как вдруг прозрачный глазок дверного лорнета заполнила черная тень. Кто-то беззвучно встал по ту сторону. Майя услышала, или ей показалось, что она слышит, чье-то дыхание. Она живо представила себе, как кто-то неизвестный разглядывает ее искаженное линзой лицо с выпуклым лбом и бессмысленным взглядом, ей стало не по себе, и она поспешила обратно в квартиру.

– ...тогда звоните сами, и сами с ними договаривайтесь. Да, я считаю, у них безобразное предложение, никаких гарантий, одни обещания. И дом наверняка под снос!

На кухне нанесли последний удар в жестоком поединке с несговорчивым клиентом. Майя облокотилась на холодильник, достала сигареты, однако прикурить не успела – женщина в сердцах захлопнула крышку телефона и сунула его в карман.

– Вот сволочь! – с чувством произнесла она, жестом требуя у Майи сигарету.

Та машинально отдала ей свою и придвинула огонек зажигалки. Женщина затаилась и, держа руку на отлете, закатила глаза.

– Нет, ну что за люди, я не понимаю! Чего ему надо? Свела с хозяевами, все договоры, бумаги, все и-де-аль-но! А он уже неделю кровь пьет. Его юристы из моего кабинета не вылезают, роют, как кроты, чего ищут – непонятно... – она закашлялась то ли от возмущения, то ли от дыма. – Нет, надо менять работу. Чего я ношусь с вами? Вот ты, например!

Майя подняла на нее глаза.

– А я-то что?

Но ту уже было не остановить.

– Как «что»? Ты же ненормальная! Кто так живет? – она с раздражением стряхнула пепел в окно. – Мечешься по всему городу, как будто следы заметаешь. Давно бы купила себе нормальное жилье. Осела бы. Обустроилась. Собаку завела, я не знаю. Я бы с квартирой помогла. Так нет – покупать не хочет, жить на одном месте не может! Ужас!

Она прицелилась было затушить сигарету о подоконник.

– Эй! Эй! – встрепнулась Майя. – Ты что! Ну-ка... Это теперь все мое.

Женщина с презрением уставилась на нее.

– На сколько? На месяц? Два? Я тебя умоляю. – Однако она все-таки открыла окно и выкинула окурочку на улицу. – Ладно, пошли отсюда, мне в контору пора. Ты со мной поедешь или тебе договор с курьером прислать?

– Пришли в редакцию. Я на днях заеду, подпишу.

Они прошагали по гулкому коридору к выходу. Женщина закрыла дверь на два замка и протянула связку ключей Майе.

– На, держи! Сделай дубликаты. Запасных нет, – бросила она и направилась к лифтам.

Майя покрутила ключи в руках и положила их в карман. Перед тем как уйти, она мельком взглянула на соседнюю дверь. Рыбий глаз на черной, обитой дерматином двери был прозрачным.

– Ты идешь? – донеслось из лифта.

– Иду-иду... – пробормотала Майя и застучала ботинками вниз по лестнице.

– Какая ты все-таки несправедливая! – заявила она, заходя в кабину. – Посчитай, сколько ты на моих переездах заработала. На одни комиссионные машину могла бы поменять...

– А я и поменяла, – расцвела в улыбке женщина. – Пойдем, покажу.

Лифт медленно пополз вниз. Лестничная площадка опустела. И опять глазок затянулся чьей-то тенью. На этот раз – за дверью новой Майиной квартиры.

Странные снимки

За огромными окнами студии догорал день. Рулон белого задника был закреплен под пятиметровым потолком. Его затоптанный шлейф лежал на полу, а вся основная часть, парусом натянутая вдоль стены, была равномерно окрашена в нежный лиловый цвет заката.

Зис неподвижно стоял у окна и смотрел на город, раскинувшийся до самого горизонта. Он любил солнечный свет и часто, когда наступали сумерки, с сожалением думал о неизбежности этого угасания. И о том, как безнадежно желание ненадолго, хотя бы на пару часов, оттянуть наступление темноты и ночи. Когда-то, подгоняемый юношеской жадой героизма и острых ощущений, он уехал работать фоторепортером сначала на одну войну, потом на другую. На третьей, когда он понял, что не может остановиться, хотя уже давно пора, что бесконечный строй мертвецов – это все, что теперь снится ему по ночам, осколок снаряда попал в его камеру. Та разлетелась у него в руках. Вскоре Зис вернулся.

Однако долго усидеть на месте он не смог, его манили дальние края, и он предложил одному журналу слащавую, как он сам считал, но эффектную серию – восходы мира. Тогда то ли идея, то ли разворот плеч Зиса понравились жене главного редактора. Редактор, тоже оценив и то и другое, решил, что проект им очень даже подходит, составил довольно щедрый по тем временам договор и с нескрываемой радостью проводил широкоплечего романтика в буквальном смысле на край света. Тот улетел, так и не поняв, какой факел страсти и ревности остался полыхать у него за спиной.

В самолете Зис составил график своих переездов и устроил так, чтобы почти две недели прожить в свете дня, перелетая из одной страны в другую до наступления сумерек и снимая восходы в песках пустыни, в стеклах небоскребов и в глади болотных топей. После этого он застрял на севере, в краях, где солнце по несколько месяцев не уходило за горизонт. Бесконечный день все длился и длился, и было что-то беспощадное и пугающее в этом непреходящем солнцестоянии. Все ночные секреты были обнажены. Злу негде было прятаться, страхи не могли найти себе темных углов, не ступались сумерки, предвестники грядущей беды. Здесь все время было светло, и мир, лишенный своей темной половины, медленно, но верно сходил с ума, сводя с ума своих обитателей.

На черно-белых снимках Зиса ветер волочил по безлюдным площадям случайный мусор, и, казалось, было слышно, как на заброшенной улице навязчиво скрипит одной и той же унылой нотой несмазанная петля калитки. Пустые качели застыли на детской площадке и бесконечные ряды скамеек на городском стадионе терялись в клубах клочковатого рваного тумана. Все это навевало мысли о последствиях эпидемии, истреблении неведомым оружием, сбое в системе, внезапной смерти всего живого на земле.

Зис наслаждался каждым кадром, он прекрасно прижился в этом странном месте, может, и остался бы здесь навсегда, но деньги подходили к концу, сезон солнцестояния тоже, а дома предлагали выгодный контракт. Его приглашала в свое издательство некая Карина Платова. Он вернулся и встретил Майю.

– Ты меня слышишь? – до Зиса внезапно донесся ее голос. Он так задумался, что не заметил, как Майя вошла в студию. Она включила лампу. Неправдоподобно длинная тень от ее небольшой фигурки растянулась по всему заднику.

– Прости...

Зис потер лоб и отошел от окна. Майя громыхнула креслом, подтянула его ногой к себе, уселась и уставилась на Зиса.

– Ты чего? – поинтересовалась она.

– Ничего, – отозвался Зис. – Глаза устали.

Майя помолчала. Достала из сумки конверт. Покрутила его в руках.

– Я заехала, забрала снимки. Зис удивленно поднял брови.

– Чего сама?

Они уже много лет печатали пробные фотографии в мастерской братьев Зорькиных. Братья по праву заслужили свою прекрасную репутацию, они питали пламенную страсть к своему делу и по совместительству – к Майе. Снимки они делали невероятные. Могли спасти любую, самую безнадежную съемку. Вечно экспериментировали с возможностями изображения и были просто находкой для Майи и Зиса. Карина, глава издательства, выслушав короткий доклад об исключительных профессиональных достоинствах братьев, не глядя подписала договор и выделила курьера на маршрут между фотостудией и лабораторией. И работа закипела. Майя пожала плечами.

– Мимо проезжала, ребята позвонили, сказали все готово. Я и забрала.

Зис подошел, взял из ее рук конверт. На мгновение она придержала его. Зис потянул, Майя не отпускала. Он взглянул на нее. Она едва заметно улыбалась. Зис потянул еще, но Майя крепко держала свой край. Внезапно, подловив момент, она разжала пальцы. Зис едва не уронил увесистый пакет. Он посмотрел на Майю, однако, она уже заинтересовалась каким-то швом на своей майке.

– Вот черт! – бормотала она. – Надо же, зацепилась где-то?...

Зис только брови поднял. Что творилось в ее голове? Только что она заигрывала с ним, но мгновение истекло, и Майя забыла обо всем. Зис покачал головой, перевернул конверт, и сверкающий поток свеженапечатанных снимков вылился на стол.

– Глянцевые... – проворчал он. – Вот упрямый народ. Сколько раз просил, чтобы матовые делали.

Он распределил блестящую массу по хорошо освещенной поверхности стола. Это была их последняя съемка в Савельево. Зис не смог сдержать улыбки – он вспомнил, как они туда ехали.

Майя весь день была сама не своя. По мере приближения к нелюбимым местам она все больше пыхтела, вертелась на сидении, прикуривала одну сигарету от другой и цеплялась к Зису. Она довела-таки его до белого каления, еще пара слов – и он выставил бы ее на дорогу у какой-нибудь автобусной остановки, но тут ее или его спас телефон. Майе звонила дамочка, которая мечтала сделать с ней интервью для популярного журнала о фотографии. Майя сразу надулась, молча слушала, кипела, как кастрюля под закрытой крышкой, наконец, когда закончились все подробности и описания, взорвалась.

Она с плохо скрываемым бешенством заявила, что месяц назад из их проклятого журнала уже приходили и брали у нее интервью, а потом переврали ее слова, напечатали какую-то муру, украли снимки и поставили в материал ее портрет, хотя она была категорически против. Под аккомпанемент этого обличительного монолога Зис доехал до Савельево, припарковался и устроился поудобнее, вытянув длинные ноги в открытое окно. Ему было что послушать, поскольку разгневанная Майя говорила вдохновенно и без умолку. Она долго не давала вставить несчастной журналистке ни слова, а когда, наконец, замолчала, выяснилось, что звонили совсем из другого журнала и по рекомендации Карины, ее сестры.

Майя почесала нос и, как ни в чем не бывало, заявила, что лучше договориться обо всем вначале, чтобы не расстраиваться потом. Были с ней согласны на другом конце провода или нет – Зис не понял, но Майя уже выдохлась, на скорую руку распрощалась со своей нечаянной жертвой и, израсходовав приличную порцию яда, отлично отработала всю съемку. Вечером, правда, она опять завелась по какому-то ничтожному поводу, но Зис только ухмылялся, он чувствовал, что скандалистке было стыдно...

Все еще улыбаясь, Зис раскладывал пробные фотографии в одном ему понятном порядке, как вдруг что-то привлекло его внимание. Он присмотрелся. Провел рукой по сверкающей поверхности. Подул на нее. Оглянулся на Майю, не ее ли это проделки? Но она про-

должала увлеченно возиться со своей одеждой. Зис вновь склонился над столом, взял лупу и придвинул пониже лампу.

– Ты смотрела снимки? – спросил он Майю.

Тишина.

– Майя! – Зис повысил голос.

– А? Чего? – она подняла на него отсутствующий взгляд.

– Ты сама смотрела фотографии?

– Нет. А что? Ребята отдавали конверт, сказали, все в порядке, качество отличное, съемка хорошая.

Зис взял один снимок и протянул его Майе. Она взглянула на него, на Зиса, опять на фотографию и вернулась к своему разошедшемуся шву.

– Ну и что? – спросила она. Зис поднял брови.

– А ты не видишь?

Она пожала плечами. Похоже, то, что она увидела, не произвело на нее никакого впечатления. Зис положил снимок обратно на стол под лампу. Он внимательно рассматривал изображение, напечатанное на глянцевой бумаге.

– Дом, как дом, обычная съемка... – пробормотал он. – Ты хозяев помнишь?

Майя подняла глаза к потолку.

– Ну да, – отозвалась она. – Пожилая пара. Кирилл Петрович, совсем старичок, отставной военный, каким-то архивом заведует в деревне. Чаем нас поил, еще сердился, что жена в подвал не сходила – у них было варенье из каких-то цветов.

– Не понимаю... А диск есть?

– Какой диск, мы снимали на пленку, – она сощурилась, глядя на склонившегося над столом Зиса. – Не понимаю, чего ты так завелся? Наверняка грязь какая-нибудь.

– Да нет, не похоже...

На фотографиях был изображен скромный, опрятный дом. Обстановка в духе пятидесятих, светлые чехлы на креслах, зеленый абажур, партийные многотомники, растянутые патристической гармонью на полках вдоль стены, и хозяйева, пожилая женщина в платье с белым воротничком и старик. Тот самый, из сторожки.

Ни Майя, ни Зис, не могли знать о том, что произошло накануне грозы в маленьком домике на краю деревни. Внимание Зиса привлекло другое – тонкие и светлые, словно дым, контуры ладоней, которые проступали на поверхности снимков. Выглядели они так, будто кто-то пытался продавить и прорвать невидимую преграду, отделяющую одно пространство от другого и выбраться по эту сторону, в остывающий воздух вечернего дня. Несмотря на эфемерность, изображение было четким и ясным. Майя пожала плечами.

– Ерунда какая-то.

От напряжения у Зиса и правда заболели глаза. Он отступил от стола.

– Надо посмотреть пленки. Пойдем, я кофе сварю.

– Какой кофе на ночь глядя? – проворчала Майя.

Она выдернула из кармана сигарету и направилась в сторону кухни. Зис посмотрел в окно. Солнце село. От него осталась только узкая розовая полоска у самого горизонта. Зис встряхнул головой, размял руками затекшую шею. Непонятное беспокойство напозало, как тень из углов.

Если бы он сейчас присмотрелся к снимкам, то увидел бы, как на одном из них стало появляться изображение лица. Оно все явственней проступало на глянцевой поверхности, но в последний момент, когда, казалось, уже можно будет разглядеть черты, за дверью студии раздался дикий грохот. Зис обернулся. Изображение на фотографии исчезло. Как будто сквозняком сдуло легкий дым, собравшийся в накуренном помещении. Зис вздохнул.

– И что на этот раз? Холодильник? – проворчал он, направляясь на кухню.

Валериан Филиппович всегда считал, что пострадал за любовь. Всю свою жизнь он посвящал фотографии и женщинам. Фотоаппарат у него всегда был один, старая «Лейка», количество женщин затруднился бы подсчитать даже сам Господь Бог. Однажды, когда они с Зисом крепко выпили, он на спор составил список соблазненных красоток и полез в драку с младшим товарищем, справедливо усомнившимся в подобных возможностях мужского организма и рассудка. Протрезвев и обработав небольшой синяк на затылке собутыльника – результат физического аргумента в пользу своих сексуальных возможностей, Филиппыч еще раз просмотрел тот

список. Еще месяц он пытался вспомнить, кто такие были эти «Манька с Заречной» и «Варечка с лифчиком». Зис ходил, похохатывая и потирая свой синяк.

Однако лет тридцать назад, когда Филиппыча выкинули из дома на улицу, было не до смеха. Он, как истинный ценитель и глубоко порядочный человек, любил всех своих друзей, даже если не помнил их по именам. Любил и фотографировал. Иногда фотографировал обнаженными. Он никогда не дал бы ходу ни одному из бережно сохраняемых снимков, но одну из его «лебедиц» угораздило выскочить замуж за амбициозного чиновника. Тот, словно безмозглый малек в теплые воды, стремился к вершинам власти, и неизвестно как, но выведал опасную для безупречной биографии будущего руководителя тайну связи своей непутевой жены и какого-то фотографа-любителя. После этого его правые и левые руки навели Филиппыча. Самого ухажера избили, квартиру перевернули, а чтобы акция приобрела необратимый характер – облили все бензином и подожгли.

Чиновника позже все равно взяли на каких-то ничтожных, но дерзких аферах, а Филиппыч еще много лет не мог привыкнуть к тому, что оказался в эпицентре таких больших дел. Времени на обдумывание у него с тех пор было предостаточно – он кое-как устроился дворником в старый двор в центре города, мел, скреб и чистил отведенный ему кусок улицы, а вечерами с невыразимым удовольствием устраивался за столом и раскрывал альбом со своим бесценным архивом ню. В такие минуты Филиппыч по праву считал себя победителем, а не побежденным.

Время шло своим чередом. Год за годом в положенный срок зимняя ледяная накипь начинала стаивать под весенним солнцем, а летнюю жару постепенно остужали осенние ветра. Жизнь ничем больше не удивляла Филиппыча, пока однажды в его двор не въехала Майя.

В то утро, как по заказу, хлестал дождь. Филиппыч едва разглядел худую и злую девчонку, прятавшуюся среди барахла, беспорядочно сваленного у подъезда. Это был плохой день – грузчики так небрежно тягали ее пожитки, что Майя возмутилась и устроила скандал. Здоровенные мужики без лбов и в серых пропахших потом комбинезонах переглянулись, сплюнули под ноги, прыгнули в машину и укатили со двора. Только клочок ярко-синей оберточной бумаги вылетел из-за дверей грузовика и, прибитый к дороге, остался раскисать на краю большой лужи.

Майя осталась одна. Содержимое ее коробок погибало под дождем, она сама промокла до нитки и, кое-как примостившись под стоящим углом большим зеркалом, курила отсыревшие сигареты и тихо ругалась. Филиппыч пробрался к ней, оценил уровень владения поганым словом и негромко вставил пару более или менее подходящих выражений. Майя с удивлением уставилась поверх сигаретки на пробравшегося к ней седого старика с шустрыми глазами. Они обменялись парой миролюбивых и совершенно непечатных приветствий и уже вскоре в полном согласии тащили подпорченный ливнем Майин скарб к ней в квартиру.

С того самого дня Филиппыч всем сердцем полюбил эту вредную девчонку. Он и сам не вполне понимал природу отеческих чувств, настигших его на старости лет. Но то ли и правда пришло его время, то ли судьба его была такой, но сопротивляться Филиппыч не стал и все свою жизнь закрутил вокруг Майи. И она, неожиданно для самой себя, отозвалась на заботы суетливого и забавного старикашки. Может, то, как они встретились, сразу расположило ее, растопив лед настороженности, может, еще что-то. Однако Майя не испугалась его порыва, не закрылась и не сбежала. Теперь, возвращаясь домой, она первым делом направлялась в его каморку.

Филиппыч мгновенно завел для нее чашку, пепельницу и стал размышлять о том, как улучшить свою жизнь для их общего блага. Майя пила кофе на крошечной кухне, слушала его истории, но не спешила рассказывать свои. А Филиппыч, рассматривая некоторые ее фотографии, часто поражался тому, что сумел вызвать в этом сердце чувства, похожие на привязанность. Холод, тьма, туманы, ветры и дожди были ее сюжетами. Все, что было лишено чело-

веческого присутствия, привлекало внимание молодой девушки. Это были снимки торжества тревожного одиночества. И у Филиппыча становилось беспокойно на душе, когда он всматривался в сгущающиеся тени на ее фотографиях...

К тому времени, когда Майя переехала в свою следующую квартиру, Филиппыч по ее протекции уже получил место кладовщика в издательстве. Завел себе рабочий халат и толстую книгу учета, в которую скрупулезно записывал, кто, чего, в каких количествах взял и почему в этом месяце больше, чем в предыдущем. В помещении, где хранились реактивы и химикаты, он постепенно навел порядок, все расставил по местам, пронумеровал, описал и закрутил невинные шашни с уборщицей Меланьей, тем самым организовав себе бесплатные обеды и лабораторную чистоту в кладовке.

Жилищные условия Валериана тоже оформились. Из своего собачьего угла он перебрался в маленькую уютную квартирку на первом этаже того же дома и у него завелись ключ от подъезда, почтовый ящик и два прекрасных куста сирени прямо под окном.

На свою первую зарплату Филиппыч купил костюм, фотоаппарат и мобильный телефон. Первые два приобретения он бережно убрал в шкаф и тут же забыл о них, а вот телефон все звонел, повиснув на ветке напротив его форточки...

– Вот старый черт! – пробормотала Майя.

Машина Зиса уже приближалась к Савельево, Майя не знала, чем занять себя, и терзала телефон, вновь и вновь набирая номер Валериана. В ответ раздавались лишь длинные гудки.

– Не подходит и все. Ты когда с ним последний раз разговаривал? – развернулась она к Зису.

– Вчера, – невозмутимо отозвался тот из-за руля джипа. Он не собирался поддаваться ее настроениям.

– Что за человек! Зачем ему телефон, если он к нему не подходит? – не успокаивалась Майя.

Внезапно она сменила тон и сердито закричала в трубку.

– Алло! Филиппыч! Ну что это такое? Целый день не могу до тебя дозвониться! Что? Где ты?

Она замолчала, выслушивая сбивчивый отчет.

– А-а... да? Понятно... Ну, да... Неплохо. Мы? Работаем. В Савельево. Не говори. Хорошо, может, вечером заедем. А? Чего звонила? Ничего. Проверка связи! Ну, ладно-ладно, все, пока.

Она отсоединилась, помолчала, глядя на дорогу.

– Уронил телефон в раковину. Вымочил. Повесил сушиться за окно на солнце. И забыл.

Она посмотрела на Зиса, тот на нее. Джип подпрыгнул на кочке, и они оба прыснули от смеха. Из-за поворота показался край Туманного озера...

Охранник на воротах с отсутствующим выражением наблюдал, как замызганный джип приближается к его шлагбауму. Он уже часа два делал вид, что выполняет свои обязанности, но на самом деле, измученный жарой, давно ничего не соображал и ни на что не был способен. Воздух так раскалился под цинковой крышей его избушки, что, казалось, уплотнился до состояния желе. Открытые дверь и окно не давали никакого сквозняка. Вентилятор сломался, а обмахивать себя старым журналом у охранника больше не было сил. Не хватало их и на то, чтобы вывалиться из этой адской жаровни и сесть снаружи, под тенью козырька у самой дороги. Охранник мог только сидеть и смотреть прямо перед собой, боясь пошевелиться, чтобы мокрая и горячая одежда лишний раз не коснулась его тела. Он слушал громкое жужжание одуревшей от жары мухи, которая все билась и билась об стекло, даже не пытаясь взять чуть ниже и левее и вылететь в открытое окно.

Джип остановился, и большое облако пыли догнало его. Мужчина за рулем опустил стекло, поздоровался, назвал номер дома и фамилию хозяев. Охранник молча смотрел на него.

В его глазах изображение человека в джипе колебалось в потоках горячего воздуха. Лицо кривилось, нос изгибался и даже голос доносился откуда-то со стороны. Охранник моргнул. Внезапно он со всей отчетливостью понял, что этого ненормального, который приехал сюда и сидит в своей охлажденной кондиционером машине, надо убить. Мысль была простой и четкой, как слово «Да!». Охранник шмыгнул носом и сморгнул. Пот заливал его глаза, мысли путались, но все было правильно, он не ошибался, в этого типа надо было стрелять. Влажная ладонь потянулась к кобуре. Он нащупал металл рукоятки пистолета, муха вылетела в окно, и один за другим прогремели выстрелы. Залаляли собаки, страшный женский крик донесся из машины и мужчина с кровавым месивом вместо лица, повалился на бок...

Охранник, не поднимая глаз на подкатившую машину, нажал на кнопку. Шлагбаум взмыл в небо, муха вылетела из-за стекла и Зис, с удивлением глядя на совершенно одуревшего от жары малого, въехал на территорию.

– Больной какой-то, – проворчала Майя.

Зис миновал двор и припарковался на мощеной стоянке перед большим домом из розового кирпича.

Съёмка у Меньшиковой

День был в разгаре, когда Катерина Сергеевна Меньшикова вплыла в гостиную и внесла небольшой поднос с кофейником и тремя чашками. Дородная, видная, ухоженная дама, жена влиятельного человека, она пробралась из низов к высотам достатка и благополучия и теперь во всем стремилась соблюдать правила простоты общения. Как минимум два человека – ее домработница Фаина и кухарка Клава – могли принести гостям кофе. Но Катерина Сергеевна не собиралась лишать себя удовольствия от исполнения этой роли – богатая дама сама угощает в своем доме ободранную девчонку-фотографа и ее красавца напарника. Меньшикова проплыла по коврам гостиной, поставила поднос на стол, разлила кофе по чашкам, взяла одну, села в глубокое старинное кресло и удовлетворенно выдохнула – она была собой довольна.

– Зиновий, угощайтесь, пожалуйста, – царственным жестом пригласила она Зиса.

Тот вздрогнул. Он терпеть не мог, когда его называли по имени. Отставив штатив, Зис подошел к столу и растерянно уставился на поднос. У этих чашек полупрозрачного китайского фарфора были такие тонкие стенки, что страшно было подумать о том, чтобы за них взяться. Пока он принаравливался половчее подхватить невесомую посуду, из-за его спины появилась Майя, без лишних церемоний сгребла свою чашку и, с шумом прихлебывая горячий напиток, устроилась в стороне, с любопытством рассматривая стены. Катерина Сергеевна едва заметно, насколько ей позволяли ее «безупречные манеры и прекрасное воспитание» подняла одну бровь. Майя ей не нравилась. А вот этот Зиновий...

Длинноногий, широкоплечий, хорошо сложенный. На нем элегантно смотрелась даже линияя майка с закатанными рукавами. Пока Зис разворачивал свою технику, Катерина глаз не могла оторвать от движений его сильного тела. Ей нравились такие рослые и художавые мужчины. Их природная грация завораживала ее и наводняла воображение страстными сценами. А какие руки были у этого фотографа... Они были просто созданы для того, чтобы обнимать ее горячее тело. Катерина, стараясь сохранять отрешенный и безразличный вид, блестящей голодной змеей затаилась в глубине кресла.

– Пейте, пейте, Зиновий, – подбадривала она свою жертву. – Угощайтесь, вот тут в розетке варенье. Мы его сами делаем. Попробуйте.

Зис, едва разделавшись с чашкой, с ужасом посмотрел на розетку размером с наперсток. Он переглянулся с Майей.

– Спасибо, Катерина Сергеевна, – Майя, встав за его плечом, почему-то заговорила басом. – Кофе отличный. А варенье сливовое?

– Сливовое, сливовое, – отозвалась та и опять перевела взгляд на Зиса. – Какие вы молодцы. Я и за кучу денег не смогла бы в такую жару куда-то ехать. У меня вообще день начинается только после семи вечера. А вы по вечерам обычно отдыхаете, наверно?

– Мы... – начала Майя, но Зис опередил ее.

– Мы обычно снимаем до ночи, а потом... Катерина Сергеевна не дала ему договорить.

– ...занимаетесь любовью до утра!

Майя едва не поперхнулась. Однако Зис был невозмутим.

– Нет, Катерина Сергеевна, до утра мы обычно сидим в фотостудии. Работаем.

Меньшикова отставила свою чашку и картинно всплеснула руками, дескать, как же так, такая красивая пара и какая-то работа. Но в глубине ее хитрющих глаз сияла нечаянная радость – похоже, любовниками они не были. Катерина еще не строила серьезных планов насчет Зиса, но все равно, это было кстати.

– Ну что, начнем? Катерина Сергеевна, – Майя поставила пустую чашку на поднос. – Садитесь, пожалуйста, вот сюда, на диван к окну, я проверю освещение.

– Вы имеете в виду – на канапе, Майечка?

В этом вопросе было ровно столько яду, чтобы не отравить насмерть. Теперь Майя переглянулась с Зисом.

– На канapé, Катерина Сергеевна, на канapé.

Хозяйка с видом победительницы встала и величественно перенесла свое чуть располневшее, но все еще прекрасное тело к высокому окну. Там, на обитом карамельным шелком канapé, она раскинулась в позе, которая выгодно подчеркивала все ее перезревшие изгибы, и продолжила расспросы, почти не подчеркивая того, что она обращается именно к Зису.

– А скажите, вот вы... между собой... ну, почему вы работаете в паре?

– Майя хороший фотограф-художник, я хороший фотограф-техник. Отличное сочетание – прекрасные снимки, – не отрываясь от аппаратуры, объяснил ей Зис.

– А по-моему, все хорошее происходит только от любви, – Катерина Сергеевна закатила глаза к потолку, изучая лепнину вокруг своей массивной люстры.

– Мы очень любим свое дело, – Зис за ее спиной разматывал кабели и втыкал штекеры в розетки, спрятанные на стенах за тяжелыми гардинами.

Меньшикова развернулась к нему. Она не могла отвести жадного взгляда от этого молодого сильного тела, так уверенно перемещавшегося по ее владениям. Было что-то особенно изысканно-сексуальное в том, как бесцеремонно и одновременно осторожно он обращался с ее вещами. Меньшикова едва выдохнула.

– Да нет, я не о деле, я о любви...

– Катерина Сергеевна, посмотрите в камеру. – Майя, как божья кара, появилась в поле ее зрения с фотоаппаратом. – Так, очень хорошо. Зис, подвинь отражатель немного правее. Отлично. Катерина Сергеевна, я сейчас сделаю пробные снимки, потом их посмотрим и приступим к съемке?

– Хорошо, хорошо, Майечка.

Меньшикова взяла себя в руки и на некоторое время отвлеклась от слезки. Все занялись делом – Майя пробными снимками на полароид, Зис – светом и отражателями, Меньшикова – собой и своими величественными позами.

В сущности, эта Катерина Сергеевна была не так уж плоха. Она сама понимала, что, несмотря на деньги и положение мужа, остается все той же простой теткой, любящей нехитрые удовольствия, суп с хлебом на ночь и свитер с меховой опушкой на плече. Однако необратимый процесс затянул ее в светские и полусветские сучьи круги, она научилась принимать подонков-гостей за своим столом из карельской березы, с умным видом закатывать глаза по любому поводу и отличать щипчики для ресниц от щипчиков для устриц. Так же со временем она отработала приемлемую форму общения с окружающими – немного снисходительно и подчеркнуто на равных.

Она была не против существования Зиса и Майи, особенно Зиса, но, принимая свои викторианские позы на антикварном канapé, она старалась не забывать, где тут она и где этот милый мальчик, «фотограф без прток».

В то время как такие важные мысли вращались в ее голове, вокруг кипела работа. Майя довольно быстро закончила с портретом, и пока Зис «пристреливался» к углам и анфиладным перспективам, пошла бродить по прохладной гостиной. Разглядывая перенасыщенную предметами старины обстановку, она обратила внимание на небольшой квадрат, выделявшийся структурой и цветом на белоснежном потолке.

– Катерина Сергеевна, что это? – спросила она. Меньшикова ответила не оборачиваясь.

– Это... такое растение. Выросло перед домом. Майя уставилась на потолок.

– Да вы что?

В ее голосе было только неподдельного удивления, что хозяйка проследила за ее взглядом.

– А-а, это... Не помню, это как-то называется. Ну, в общем, когда в старинных домах делают ремонт или реставрацию, обязательно оставляют такие фрагменты старого интерьера. Вот тут еще есть...

Она немного подалась вперед и ногой, обутой в изящную туфлю, откинула край ковра – под ним обнаружился такого же размера, что и на потолке, квадрат неотреставрированного паркета. Майя залюбовалась почерневшими досками.

– Как красиво... У вас, наверное, самый старый дом в этих местах?

Катерина Сергеевна, небрежно облокотившись на выгнутую спинку, следила за перемещениями Зиса.

– Сложно сказать, но самый крепкий – это факт. Здесь вообще мало что хорошо сохранилось, большую часть старых особняков перестроили, от некоторых даже фундамента не осталось, что-то обветшало, что-то просто снесли.

– Этому дому лет триста, – предположил Зис, переставляя фотоаппарат на штативе в другой угол гостиной. – Вас тут по ночам призраки не посещают?

Что-то дрогнуло во взгляде хозяйки, но она быстро взяла себя в руки. И только наигранная беспечность тона выдавала ее напряжение.

– Не хотела вам об этом говорить, но я-то здесь не живу, так, заезжаю иногда. Здесь в основном муж бывает, а у меня квартира в городе. Для него это все очень важно – старинный дом, семья с корнями, наследственность, предки... Все древнее, только деньги новые, – она усмехнулась, поправила прическу. – А я не могу здесь оставаться. Страшно. Вещи пропадают, закрытые окна вдруг хлопают, птицы кричат...

– Ну, птицы-то понятно, почему кричат, – Зис повел плечом, намекая на окружающие особняк сельские просторы.

Меньшикова ответила не сразу.

– Да нет, – спокойно произнесла она. – Они не в лесу, они в доме кричат.

Небольшая пауза повисла, словно капля воды на краю крана.

– И вообще, – Катерина одернула платье на коленях и постаралась вернуть голосу беспечность, – говорят, что тут места плохие.

– А так и не скажешь, – Майя выглянула в окно, рассматривая сад и прекрасный вид на поле и подступающую с краю рощу.

Меньшикова продолжала, обращаясь к Зису.

– Когда-то давно здесь, в Савельево, людей в землю закапывали. Живьем. Казни такие были. Потом крестьяне чего-то бунтовали. Так их прямо домами жгли. Окна и двери заколачивали и палили. А теперь... Майя и Зис переглянулись.

– Что теперь? – переспросил Зис.

Меньшикова смотрела на него и явно прикидывала, спать или не спать, говорить или нет. Но широкие плечи Зиса решили все в его пользу. Меньшикова прочистила горло и, понизив голос, зашелестела.

– Ну, короче, здесь есть дом, который невозможно найти. Рассказывают, что кто-то видит иногда то крышу, то дымок из трубы, то силуэт в тумане, а то даже и отражение в озере. Но найти его не могут. Местные, как напьются, так сразу ползут в лес на поиски. Вон недавно, целую экспедицию устроили. Дом, понятное дело, не нашли, зато двое ослепли.

– Как ослепли? – переспросила Майя.

– А так. Собрались несколько человек, вроде шли вместе. Потом хватились, а двоих нет. Два брата, один тут электриком работал, другой... я уже и не помню. В общем, вместо дома пришлось этих придурков искать. Они в пойму реки упали, лежат в камышах, пузыри пускают. Еле откачали. Чего-то с глазами у них случилось. Говорили, они вроде этот дом-то увидели, ну, и ослепли, – Меньшикова брезгливо передернула плечами. – А по-моему, так просто плохой водкой отравились. Алкашня.

– А дом? – спросила Майя.

– А что дом? – все еще раздраженная чужими пороками, переспросила Катерина. – Ах, дом! Ничего. Не нашли. Да тут вообще этим летом такой бардак творится! Вон на днях – вся документация сгорела. Здесь был настоящий архив, даже переписка князя Волоцкого сохранилась, музей еще хотели делать. На все участки купчие, документы всякие, справки о хозяевах, ну, все на свете. Сгорело за час. Сторож погиб. По телевизору передавали, вы не видели?

Зис нахмурился.

– Подождите, это что, здешний сторож, что ли? Архипов? Кирилл Петрович? Так мы же его снимали...

Он посмотрел на Майю. Майя смотрела в окно в сад. А Меньшикова уже не могла остановиться.

– Но это ладно, а вот в том доме, ну, который найти не могут, говорят, большая семья жила. Старуха-мать, ее сын с женой и двое детей. Девочки. Здесь все деревни были ихние...

Меньшикова вздрогнула от такой оплошности.

– Принадлежали им, – быстро поправилась она, но, похоже, никто не обратил внимания на ее прокол.

– Жили они себе, жили, а однажды вдруг вышла ссора. И сын убил свою мать...

– Почему? – Зис повернулся в ее сторону. Катерина пожала плечами.

– Кто его знает? Поссорились, не поделили чего-то... Не знаю, темная история, – она поменяла позу. – В общем, его посадили, старуху похоронили, мать с девочками попробовали как-то жить дальше. А потом пропала старшая дочка. Ушла утром к озеру – и не вернулась. Искали, искали – и ничего. Ни тела, ни платья, ни ответа, ни привета. Сгинула.

Майя оглянулась. Внезапно ей показалось, что у нее за спиной кто-то стоит. Она обвела взглядом большую комнату. Никого. Посмотрела на Зиса. Тот внимательно слушал Меньшикову. «Показалось...» – Майя потеряла висок и постаралась сосредоточиться.

– ...отец, когда узнал, сошел с ума. Прямо в камере повесился. Жена сразу после похорон со второй девочкой уехала. Рассказывали, обе поседели от горя. Вот так была семья и вся вышла. А перед тем, как все началось, вроде бы эти странные цветы и полезли из земли, – она кивнула в сторону большой напольной вазы, стоявшей в углу.

Майя и Зис посмотрели в направлении ее взгляда. В вазе стояло растение. Сухое и черное, оно напоминало длинный острый коготь невиданного животного и выглядело изящно, но зловеще.

– Многие начали уезжать отсюда, говорили – проклятая земля. А потом – революция, новая жизнь, новые люди понаехали, вроде обо всем забыли.

Внезапно в углу комнаты раздался сильный хлопок. Все вздрогнули.

– Так, спокойно, у нас лампа перегрелась, – Зис выдернул шнур из розетки.

– Так это что, все правда или так, местная страшилка? – спросила Майя.

Меньшикова встала, прошла по комнате, остановилась перед зеркалом.

– Ой, Майечка, я и не знаю, – она залюбовалась своим отражением. – Вообще здесь много всякого сочиняют. Легенды легендами, а место лесное, отдаленное, тут такое покажется, особенно ночью... Вроде отца этого не один раз видели. Говорят, все ходит, ищет чего-то, успокоиться не может...

Довольная собой, она отошла от зеркала, приблизилась к Зису и положила руку ему на плечо.

– Но вы, пожалуйста, не выдавайте меня, хорошо? Тот поднял на нее глаза. Меньшикова улыбалась.

– Ну, что я здесь не живу и все такое. А то, знаете, мир жестокий – скажешь чего, а потом начнется... Решат, болтаю лишнее, покупателей отпугиваю, цены на землю сбиваю. Чего только не придумают. Пострадаешь, да еще и не узнаешь за что. Понимаете?

– Конечно, Катерина Сергеевна – отозвался Зис.

– Катя, просто – Катя, – она провела рукой по его плечу, слегка сжала его. – Журналисты, они ведь такие любопытные, а у нас у всех свои тайны. Вы согласны, Зиновий...

Ее пальцы впивались в его плечо. Зиновий, честно глядя в глаза старой барракуде, кивнул.

– Конечно. Послушайте, Катерина... Катя, проводите меня, пожалуйста, на кухню, нам надо снимать, а то свет уйдет.

Меньшикова, словно очнувшись, ослабила хватку и отступила в сторону.

– Да-да, конечно, пойдемте, я вас провожу.

Когда они с Зисом вышли из гостиной, Майя осмотрелась. Ей хотелось пить. То ли от рассказа Меньшиковой, то ли от сладкого варенья, у нее пересохло во рту.

Она шагнула к столу и тут... в одно мгновение на всех стенах гостиной проступили трещины, дом застонал, словно приняв на себя сокрушительный удар, сравнимый с мощным взрывом. Майю качнуло, она схватилась за край стола. В эту минуту в гостиную вошел Зис.

– Майя, пойдем, ты мне со светом поможешь. Майя... Ты слышишь меня? Майя, что с тобой?

Обеспокоенный, он шагнул к ней, всмотрелся в ее лицо. Майя побледнела, у нее под глазами проступили глубокие тени, пальцы стали влажными и холодными...

Когда она в следующий момент обвела взглядом комнату, все было на своих местах, те же зеркала в стиле мадам Помпадур на ровных стенах, то же карамельное канапе у окна... Майя уставилась на Зиса. Бледный от волнения, он изо всех сил растирал ее ладони.

– Все в порядке, в порядке, – она высвободила руку. – Кофе, наверно, перепила. Пойдем работать.

Но Зис покачал головой.

– Знаешь что, иди-ка ты в сад. Ты, правда, бледная, как смерть. Походи, погуляй, подыши воздухом.

Майя отмахнулась.

– Оставь, Зис, все нормально.

– Пошла вон, – Зис несильно хлопнул ее ладонью по затылку. – Когда понадобится, я позову. Одно условие – не курить.

Он вытащил из кармана ее рубашки сигареты и вытолкнул Майю в стеклянные двери в сторону сада.

– Зиновий! – донеслось с кухни. – Идите сюда, я вам такое покажу... Вы такого не видели.

Зис выдохнул и вышел из гостиной.

– Ну, и чего такого я еще не видел? – пробормотал он на ходу.

На лужайке перед домом было жарко. Припекало солнце, и шмели пухлыми полосатыми шариками висели над цветами. Майя потопталась на мощеной площадке и пошла по дорожке в прохладную глубину сада. Видимо, хозяевам повезло заполучить отличного садовника с фантазией и хорошим вкусом. Если бы не расставленные то тут, то там диковатого вида псевдоримские статуи красующихся героев и богов, здесь можно было бы прогуливаться с надеждой не нечаянную встречу с Мартовским Зайцем, Королевой или Шляпником.

Тропинка уводила Майю в тенистые заросли. Она миновала развесистые кусты лежачего можжевельника, рощу карликовых берез, справа осталось небольшое озеро с лебедем, словно вырезанным из черной бархатной бумаги, потом по горбатуму деревянному мостику она перелазилась через тихий ручей, потом дорожка свернула...

Внезапно Майя остановилась. Она поняла, что идет очень долго. Ее дыхание сбилось, и от усталости гудели ноги. Майя осмотрелась. Справа начиналась широкая аллея. Дремучие тополя свивали свои ветви высоко в небе, образуя плотный свод, почти непроницаемый для солнечных лучей. Странно, но что-то здесь было не так. Майя обвела взглядом этот отдаленный

участок сада. На мгновение ей почудилось, что в конце аллеи виднеется большой дом. Как будто солнечный блик сверкнул в открывшемся окне, громко вскрикнула спугнутая птица.

– Майя!... – донеслось до нее из глубины сада.

Майя вздрогнула. Внезапно она поняла, в чем дело. Здесь не было лета. Не было привычной глазу зелени. Распустившихся цветов. Шмелей, стрекоз и мелкой мельтешащей мош-кары. Не было жары. Густого, переполненного запахами воздуха. Здесь была осень. Холодный пустой ветер перебирал опавшую листву.

Она сошла с тропинки, сделала шаг в сторону, внезапно земля расступилась под ногами и Майя, теряя равновесие, провалилась вниз. Она не успела ничего сделать, ничего сообразить. С сердца словно сорвали тонкую сеть сосудов. Майя вскрикнула...

...и открыла глаза. Она заснула на скамейке перед домом Меньшиковой. Майя потеряла глаза, потянулась и обратила внимание на какие-то красные капли на одежде.

– Это еще что такое? – пробормотала она.

Майя дотронулась до расплывающегося в светлых волокнах ткани свежего пятна. Вдруг сверху капнуло еще раз. Она поднесла руку к лицу. Так вот откуда этот солоноватый привкус в горле... Она запрокинула голову. Кровяная струйка потекла от крыльев носа вдоль верхней губы. Майя оттерла ее, не дав образоваться очередной капле. Теперь перепачканы были и ее пальцы, и лицо.

– Майя! – Зис звал ее, высунувшись из окна.

– Иду! – крикнула она и, стараясь не опускать голову вниз, направилась в сторону дома. «Надо же, сто лет кровь из носа не текла», – подумала Майя.

Она скрылась из виду, и только тогда тот, кто стоял за ее спиной и следил за ней все это время, шагнул в сторону и исчез в зелени сада.

Прошло несколько дней. Младший Зорькин сидел за столиком в охлажденной кондиционерами кафешке, потягивал свой коктейль и с удовольствием наблюдал в окно за Майей, которая парковала машину перед входом. Какой-то пижон в кабриолете зазевался, она прямо перед его носом ловко заехала в образовавшийся промежуток и теперь, не обращая никакого внимания на возмущенную брань, вынимала с заднего сидения автомобиля большую коробку. Справившись наконец со своим грузом, Майя помахала разъяренному мужику и зашагала к стеклянным дверям. Ей придержали створку, она кивнула, вошла, осмотрела зал и, заметив Зорькина, направилась к нему.

Как же она была хороша... Зорькин залюбовался ею. Майя при каждой встрече производила на него немедленный эротический эффект, ничего при этом не делая. Этим она восхищала его еще больше. Она никогда не стремилась понравиться. Почти никакой косметики, рас-трепанная прическа, мальчишеская одежда, ничего общего не имевшая с соблазнительными девичьими туалетами. Из украшений только часики на запястье. И загадка, тайна в глубине бездонных темных глаз.

Зорькин понимал, что его восторги бесполезны, что он при ней, как вассал при королеве, но ничего не мог с собой поделать, Майя и правда была его дамой. Эти длинные пальцы с благородной лункой прозрачного ногтя, тень, лежащая в ключице, глухой голос и запах, с ума сводивший его, и, похоже, не его одного, аромат ее тела...

– Привет, как дела? – Майя поставила коробку на соседний стул и села.

Забавно, но ни она, ни Зис никогда не звали братьев по именам. По правде говоря, они и не знали, как их зовут. При первой встрече те представились: «Зорькины, старший и младший» – и с тех пор так и повелось.

Сейчас младший сиял и таял, глядя на нее.

– Дела... дела нормально, заказать тебе кофе?

– Нет, спасибо. У меня безкофеиновая никотиновая диета. – Майя достала из кармана сигареты и кивнула в сторону коробки: – Это от нас с Зисом.

Приближался юбилей старшего Зорькина, и она завезла подарок. По дням рождения она не ходила, вечно ссылаясь то на одно, то на другое, и однажды честно призналась, что терпеть не может эти сборища с пьяными тостами, объятиями и обязательно какой-нибудь развеселой драчкой в конце. Однако подарки обоим братьям дарила регулярно. В последний раз младшему досталась отличная старая лампа с зеленым стеклянным абажуром. Он покосился в сторону коробки.

– Чего там?

Майя с улыбкой покачала головой, дескать, так я тебе и сказала...

Зорькин осторожно, самыми кончиками пальцев провел по ее шее и щеке. Какой же нежной была эта кожа. Он представил, как его губы осторожно дотрагиваются до ее губ...

Он прокашлялся, отгоняя наваждение, и отпил приличный глоток коктейля. Майя насмешливо смотрела на него.

– Ну, чего нового, товарищ? – спросила она. Понимала она или нет, что творилось с ним?

– Э-э, нового... – потянул Зорькин. – Да так, ничего особенного. Работы выше головы. Привезли новое оборудование. А инструкции на корейском. Не текст, а сплошные паучьи лапки. Недели не можем разобраться, как два блока скомутировать. Вон, – он похлопал себя по карману, – утром сходил словарь купил. Буду переводить.

Майя сочувственно кивнула.

– Да, Зис чего-то звонил, – вспомнил Зорькин. – Нас не было, он на автоответчике сообщений пять оставил. Не знаешь, чего он хотел?

– Не знаю, – Майя пожала плечами. – Мало ли. Он тут злился из-за глянцевого снимков. Может, поэтому и звонил. Ты набери ему сам.

Зис... Зорькин вздохнул. Этот широкоплечий гладиатор отбрасывал его со всеми его надеждами в мезозой. В пещеры. В безнадежный арьергард.

– Не, если из-за снимков, я звонить не буду. Это старший режимы перепутал, а мне отдуваться? Нет уж.

– Ну, не звони. Если что-то важное, сам проявится. Майя выдохнула сигаретный дым. Она знала, из-за чего братьям названивал Зис, но говорить об этом не хотела. Его интерес к этим белым разводам на фотографиях казался ей полной ерундой.

– Слушай, – неожиданно отвлекся от своего коктейля Зорькин. – Тут такое дело... Как-то я раньше не подумал, может, ты нас выручишь? К нам один мужик приходил, мы ему обложку делали. Забавный тип, написал книжку и не может придумать названия. Ну, просто тупик – нет идей, и все. Уже все сроки вышли. Он тоскует. Глупости всякие предлагает. Не придумаешь чего?

– А о чем книга? – спросила Майя.

– Ну, так, о природе снов. О том, что сон есть смерть или смерть есть сон или что-то вроде того...

«Ты странно спишь – с открытыми глазами:

Ты ходишь, говоришь и видишь сны...» – неожиданно процитировал он.

Майя с интересом посмотрела на него. В отличие от старшего брата, этот всегда был полон сюрпризов, то корейский словарь в кармане, то Шекспир.

– Вообще, интересно, – продолжал Зорькин. – Я у него вычитал, что, оказывается, сам сон, ну, то есть, когда мы что-то видим, длится всего несколько мгновений. Сначала все эти фазы – медленная, быстрая, а в самом конце, перед тем, как начнет трезвонить будильник – все и происходит.

– Надо же, – Майя напустила дыму вокруг глаз. – Не знала.

– Ну, вот, – Зорькин оживился. – Я стал обо всем этом думать и понял, что у меня есть один сон. Вернее, не сон, а так, тема. Рассказать?

Майя кивнула. У него так горели глаза, что отказать было невозможно.

– В общем, я люблю море. Плавать, нырять, все такое. Но во сне почему-то никогда не могу нормально искупаться. Никогда. Понимаешь, странно – воду вижу, но с удовольствием в нее войти – не выходит. Она или грязная, или мертвая, или какая-то опасность в глубине. Вот на днях – снится море, залив прекрасный, думаю, ну, сейчас оторвусь.

– И чего? – Майя заинтересовалась.

– Ничего, – разочарованно откинулся на спинку стула Зорькин. – Один песок. Воды чуть. Никакого купания. Возился в этом песке, как гадюка.

Зорькин вздохнул. Ладно, это море. У него порозовели щеки при воспоминании о том, как недавно совсем в другом сне он бежал за Майей по бесконечным коридорам какого-то полутемного незнакомого дома, догнал, остановил, развернул к себе и...

– Ну, чего, придумаешь название? – спросил он хриплым голосом.

Майя с удивлением посмотрела на покрасневшего вдруг братца.

– А то все уже головы сломали.

Она пожалала плечами и посмотрела на часики.

– Не знаю, – отозвалась она. – Это такое дело. Я ведь даже не читала.

– Да чего читать! – Зорькин занервничал, видя, что Майя собирается уходить. – Я же говорю, про сны, про всякие тайны... Название должно быть такое, ну, чтобы цепляло. Понимаешь, сны ведь все видят. Вроде что в этом особенного.

Майя поднялась. Зорькин засопел. Между краем майки и тяжелым ремнем образовался зазор. Горячая загорелая кожа живота. Погибель...

– Я подумаю, – Майя поправила ремень. – Как там у вас с реактивами?

– Нужны, – выдохнул Зорькин.

Майя улыбнулась – сны снами, а работали Зорькины всегда от души.

– Хорошо, я Зису передам. Ну, – она постучала по коробке, – осторожнее с этим. Привет брату. Пока, дорогой, созвонимся.

Зорькин кивнул, проводил ее печальным взглядом и поманил официантку. Пока та выкладывала перед ним чек, кокетливо стреляя глазками, он присматривался к локонам на ее затылке. Не то! Все не то! И запах жуткий!

Зорькин расплатился, подхватил довольно тяжелую коробку и вышел на улицу. Плотный жар летнего дня обступил его со всех сторон. Майя уже укатила. После выпитого коктейля мостовая слегка покачивалась под ногами. Зорькин вздохнул и направился в лабораторию.

– Какое тело... Мама дорогая! Кожа нежная, смуглая... Он скрылся за углом. Трамвай пересек улицу. Упущенный чьей-то рукой, синий воздушный шар улетел в небо.

Замученный жарой и бесконечными разъездами, Зис задремал перед телевизором на потертом диване в предбаннике Валериановой кладовки. Хозяин спиной открыл дверь и вошел в комнату, прижимая к груди две пластиковые бутылки.

– Куда им столько? – ворчал он. – Пьют они их, что ли? Уже вторая партия за месяц. Может, приторговывают?

Зис очнулся, протер глаза и взялся за пульт.

– Кто, Зорькины?!

– Не понимаю, что за люди?

– А они не люди, Филиппыч. Они вроде нас – ненормальные.

– Это точно. Ну, на кого выписывать? На тебя?

Зис кивнул. Старик недовольно засопел, достал из стола грессбух, стал что-то тщательно вписывать в разлинованные страницы. Зис включил звук телевизора. На экране опрятная, домовитая и до смерти скучная хозяйка под музыку варила суп. Вся семья, собравшаяся за столом, исходила слюной и облизывалась, а мадам хитро подмигивала зрителям, намекая на им одним известный секрет этого гастрономического триумфа. Филиппыч хмыкнул.

– Реклама чертова! Бульонные кубики... У Набокова русские эмигранты в Берлине угощались этим «Магги». Глупая вещь, концентрат паршивый. Люди перемерли, а кубики все те же.

Зис потянулся.

– Не знаю, не пробовал.

– Еще бы! – продолжал ворчать старик. – Вы как кони носитесь. Все на ходу, на бегу, толком не поедите. Эту, мастерицу твою, пальцем ткни – рассыплется. А есть надо как следует! Есть и спать нормально. Ночью, а не когда придется. А то, вон, валитесь на ходу. Ладно, – он махнул рукой. – Давай, оставляй автограф!

Зис встал, расписался в книге Филиппыча. Тот сгреб ее обратно в стол.

– Что еще? – заметил его недовольную физиономию Зис.

– Расписываешься шибко щедро. Тоже мне, король, на четыре линейки размахал. Прижимистее надо. Забирайте свои яды.

Зис пожал старику руку и сгреб банки с реактивами.

– Как у нее вообще дела-то? – спросил Валериан. Зис пожал плечами.

– У Майи? Да все вроде нормально. А что?

– Так, ничего. Сон плохой видел. Ну, не важно, мало ли что старику приснится. Давай, заходи, если что. Зорькиным привет.

– Слушай, совсем забыл, – спохватился Зис. – Хотел тебе показать... может, чего скажешь. Странные фотографии у нас получились.

Зис поставил бутылки на пол и полез в карман. Валериан с интересом поглядывал в его сторону но, когда Зис уже почти вытянул содержимое кармана наружу, неожиданно распахнулась дверь и, вместе с потоком солнечного света, в кладовку ворвались шофер Ярик и курьер Степка. Переругиваясь и спотыкаясь, они поволокли к столу упаковки с реактивами и коробки с пленкой. В два счета они оттерли Зиса к дверям, и загалдели, требуя подписать накладные и вернуть им какую-то тару, которую они должны были забрать, но почему-то не забрали в прошлый раз. Шуму поднялось столько, что Валериан махнул рукой Зису, дескать, давай, потом, видишь, какая саранча налетела. Он занялся беспокойной парочкой, а Зис кивнул и, подхватив свой груз, скрылся за дверью.

Через некоторое время, приняв, подписав, выдав все, о чем его просили, Валериан выпроводил, наконец, своих посетителей, налил чаю и сел за стол, подперев голову руками. Задумался, затих.

Целый день суета и заботы отвлекали его, но теперь, в тишине и одиночестве, тревожные мысли вновь одолели старика. Валериан предвидел беду, как бывалый моряк, приметивший на синем спокойном небе крошечную невинную тучку, предвестницу неотвратимой бури. Какие знаки смущали Валериана, он не знал, но его предчувствие было дурным и навязчивым. Филиппыч вздохнул. «Может, обойдется», – с надеждой подумал он. Надежда была призрачной.

Переезд

В субботу рано утром Майя перевезла все свои вещи в новую квартиру. После возмутительного случая, когда ее оставили одну со всем ее скарбом, она сменила команду грузчиков. Новой бандой руководил невысокий, коренастый, страшный и сильный, как черт, Серега, которого за пару огромных лиловых виноградин на физиономии с детства звали Бородавкой. Бородавка сам сидел за рулем грузовика и командовал тремя бледными подельниками, Костяном, Коляном и Виталяном. Морды у них всех вечно были кислыми, кривыми и невыспавшимися. Однако «на дело» команда регулярно приезжала часам к шести утра и, хотя для того, чтобы перетаскать все Майино добро, хватило бы одного Сереги, они вчетвером бросались носиться с ее коробками вверх-вниз по лестницам.

В то утро Бородавка по обыкновению, ни свет, ни заря, встал на пороге, осмотрелся, крикнул, накинул на свое стальное плечо широкую петлю и поволок Майину кровать по лестничному пролету вниз. Его помощники так и мелькали с остальным барахлом, и уже спустя минут двадцать, погрузив последним нераспакованное зеркало, шайка закончила, и их «Бычок», отфыркиваясь, лихо поскакал по кочкам по новому адресу. Майин «мерседес» не без труда обогнал квадратное чудовище, в котором угрожающе гроыхали ее пожитки.

Через час процедура зеркальным образом повторилась во дворе нового дома. Картина, корзина, картонка, кровать, кофеварочная машина и коробки с вещами переместились на пятый этаж, Бородавка посетил туалет, Майя расплатилась, и вся команда вывалилась из квартиры. За все это время никто не сказал почти ни одного слова. Как в сказке: «Привет, спасибо и пока!» – и Майя на новом месте. Только уже в дверях Бородавка замешкался и, как собака, повел носом. Майе показалось, что осмотр его не удовлетворил. На мгновение на его роже появилось нехарактерное для него испуганное выражение, он едва не заговорил, но передумал и неуклюжей мышью юркнул за дверь. Грузовичок взревел мотором, и банда укатила по следующему адресу, таскать по лестницам чужое добро, такое убогое в безжалостном солнечном свете.

Майя прошла по квартире. Она ни с кем не хотела делить этих первых минут в новом жилище. Накануне она заезжала сюда, припрятала бутылку белого вина и апельсины в холодильник. Сейчас Майя привычно и ловко открыла бутылку и налила себе полный бокал. На его стенках выступила влага. Она очистила апельсин, разбрызгивая во все стороны фонтаны сока и, с бокалом в одной руке и ароматным фруктом в другой, вышла на балкон. Он был небольшим, каменным, с толстыми, дутыми, как крестьянские ноги, гипсовыми балясинами.

Майя пила вино, высасывала сок из апельсиновых долек и смотрела на прогулочные катера, деловито снующие по реке.

Она улыбалась. Ей было хорошо. От выпитого в такой ранний час вина шумело в голове...

Вдруг из глубины коридора до нее донеслась птичья трель. Майя прислушалась. Кто-то звонил в дверь. Но она даже не пошевелилась. Никто не знал, что она перебралась в эту квартиру. Грузчики уже уехали, предыдущие хозяева то ли умерли, то ли эмигрировали в другую страну, так что – Майя достала сигареты – в ее дверь сейчас могли звонить только враги или соседи. Последних она всегда приравнивала к первым, поэтому открывать, тем более сейчас, не собиралась. Еще пара звонков – и наступила тишина. Когда Майя вернулась с балкона в комнату, внизу хлопнула дверь подъезда. Чья-то тень пересекла пустой двор. Но Майя не видела этого, она озабоченно осматривала коробки, вспоминая, что и куда она рассовала перед переездом.

Зис уже минут пять топтался на лестничной площадке. Он посмотрел на часы – нет, вроде все правильно, ни рано, ни поздно, как договаривались. Он опять нажал на кнопку дверного звонка. Безрезультатно. Приглушенная птичья трель отозвалась внутри. Зис достал телефон.

Набрал номер. Прислушался. Тихие гудки в пустой квартире так же, как и дверной звонок, были слышны с лестничной клетки.

– Ну, что за человек, – пробормотал Зис, набирая другой номер. – Забыла? Смылась?

«Оставьте сообщение...» – автоответчик мобильного телефона равнодушно предлагал пути к отступлению. Зис уже собрался было уходить, как вдруг обратил внимание на полоску света под ногами. Он взялся за ручку и потянул ее на себя. Дверь подалась. Она оказалась не заперта. В образовавшийся проем из квартиры хлынул поток солнечного света. Зис вошел внутрь. От нехорошего предчувствия у него заныло под сердцем.

– Майя, Майя... Ты где? – Зис стоял в коридоре, осматриваясь по сторонам.

В этих дурацких квартирах, которые снимала Майя, вечно что-то было не так. В одной, например, после неудачной перепланировки для того, чтобы попасть на кухню, надо было пройти через ванную комнату, в другой было замуровано окно... Но сейчас дело было не в этом. Зис заглянул в спальню и застыл на пороге.

Эта ненормальная не любила уюта. Мало что покупала в дом, часто и без сожаления расставалась с вещами. Те же, что были у нее, по большей части ее словно не интересовали. Старинное зеркало, которое ей подарил какой-то старик, уже года три стояло завернутое в целлофан. На вопрос, когда она его, наконец, распакует, Майя обычно отмахивалась и переводила разговор на другие темы. Зис был уверен, что она не сделает этого никогда.

Той весной она готовила серию черно-белых портретов жителей небольшого провинциального городка. Провела там пару недель, а когда закончила и собиралась уезжать, случилась эта авария. «КамАЗ» столкнулся с легковушкой и превратил машину с людьми в смешанную массу – на разорванном железе лежали нежные пряди волос, и кровь сочилась из всех щелей. Даже у ментов, заполнявших протоколы, дрожали руки. Погибла вся семья – отец, мать и двое детей. Дед, единственный, кто не поехал в то утро в соседний город за покупками, прислал Майе вместо денег, которые она ни в какую не хотела брать, большое зеркало в обмен на все снимки его семьи. Она не решилась ни вернуть, ни выкинуть, ни распаковать странный подарок. Передала старику фотографии, а потом до нее дошли слухи о том, что он оклеил ими все стены в своей комнате, пустил газ и лег на пол...

Зеркала в комнате не было. По правде говоря, здесь не было вообще ничего. Спальня была совершенно пустой. Казалось, солнечный свет поглотил все ее содержимое, и теперь радостно отражался от стен, и веселые беспечные блики плясали на потолке. Зис вздрогнул. Это было так же неожиданно, как прыгнуть с вышки и на полпути к воде обнаружить, что внизу ожидает лишь пустой кафельный мешок бассейна.

С Майей всегда было беспокойно, Зис почти привык к тому, что она часто заставляла тревожиться о себе, но вид пустой комнаты, в которой не осталось и следов ее присутствия, сбил его с толку.

Однажды он наблюдал, как в серых предрассветных сумерках Майя возилась со своим штативом. Она обожала скудное освещение и ради кадров, пропитанных волшебным влажным туманом, была готова вставать засветло и ехать на край земли. В тот раз это был край какого-то болота. Майя, как привидение, двигалась в плотных слоях стелившегося у воды белого облака, а Зису пришло в голову, что однажды, в самый обычный день, без всяких предупреждений и наводящих примет, она исчезнет. Он заедет за ней и не найдет ни ее, ни ее квартиры, ни дома, и даже ее адрес окажется неверным. Майя растворится, как крик в тумане, сгинет, пропадет, и станет понятно, что ее никогда не было, просто не могло быть, что она приснилась ему, что все ее фотографии делал он сам, и нет в этом мире номера телефона, по которому можно позвонить и услышать ее голос...

Сейчас все это было похоже на наваждение. Открытая дверь. Пустая квартира. Тишина. Зис в который раз осмотрелся. Ничего, ни записки, ни номера телефона, ни адреса, ни красных бус на окне. Он вышел на балкон. Солнце равнодушно светило ему в лицо. Зис беспо-

мощно смотрел на огромный, суетливый и шумный город-лабиринт, раскинувшийся внизу. Майи здесь было не найти.

...там, где она была, серые дома нависали над головой и в скверах дрожали голыми ветками темные, сгнившие от сырости деревья. Майя медленно и без цели брела по тихим улицам. Вокруг не было видно ни людей, ни машин.

Она дошла до угла, постояла в желтом, словно прокисшем, свете фонаря и свернула в глухую арку. Быстро миновала ее и оказалась в гулком каре двора. Осмотрелась. Направилась к первой попавшейся железной двери, толкнула ее, шагнула в темноту.

Все электрические лампочки в подъезде были выкручены или побиты, мертвый лунный свет проникал сквозь грязные стекла и изливался на огромную, горбылем уходящую вверх лестницу. Майя прошла несколько пролетов. Остановилась. Перед ней были три совершенно одинаковые двери. Она хотела было открыть одну, но внезапно, со скрипом, отомкнулась другая. Майя вздрогнула. Некоторое время она стояла, заглядывая в образовавшуюся щель. Наконец решилась и шагнула внутрь.

Ничего странного внутри не обнаружилось. Только небольшой коридор с обшарпанными стенами и еще одна дверь. Майя немного увереннее продвинулась вперед, открыла ее и...

...вышла в сад. Здесь осень уже подпалила листву красным и желтым цветом. Холодный туман висел в воздухе. Майя осмотрелась, прислушалась. Станный тихий шум доносился со всех сторон – едва различимые, шепоты, шорохи, вздохи... Возможно, ветер извлекал эти звуки, таская опавшую и высохшую листву по земле. Майя сделала несколько шагов по аллее, как вдруг услышала:

– Майя, стой. Майя, куда ты?

Голос был тихим и отчетливым. К нему эхом примешивались другие голоса.

– Кто здесь? – прошептала Майя.

– Майя, не бойся, это мы.

– Кто здесь? Кто?!

Ей что-то почудилось за спиной, и она резко обернулась. Никого. Только темный строй стволов засыпающих деревьев. И опять словно кто-то тронул ее сзади за плечо. Майя вновь

дернулась назад. И вдруг застыла. Ужас сковал ее тело. Зрачки расплзлись по радужке и превратились в огромные черные мишени. Она сейчас видела то, чего не должна была видеть ни в мире людей, ни в мире снов...

...Майя открыла глаза. Она задремала, лежа в квадрате яркого солнечного света на полу своей новой квартиры. Нагревшаяся бутылка стояла рядом. Бокал был пуст. Телефон выключен. Во рту, Майя поморщилась, остался кисловатый привкус от вина и внезапного сна.

И тут ее пальцы вмиг стали влажными и холодными.

– Зис! – прошептала она и схватилась за телефон.

В редакции авторитетного иллюстрированного журнала в области современной архитектуры и дизайна кипела жизнь. Только что закончились утренние летучки, и сотрудники, получив привычные взбучки от начальства, разбежались по своим рабочим местам. Они были полны энтузиазма целый день изображать самоотверженную активность в борьбе за общее производственное дело.

Секретарше Аняте уже в который раз делала знаки подружка Соня из отдела распространения, выманивая ее на очередной перекур, но та все никак не могла отделаться от навязчивого и нудного собеседника на второй линии. Анята бесцветным голосом монотонно бубнила:

– Да, да, я все записала. Не переживайте, я ей обязательно передам. Конечно, это моя работа. Да. Всего доброго.

Наконец, ее терпение иссякло, она сделала страшные глаза и выпалила:

– Извините, у меня начальство на другой линии. Как раз сейчас я обо всем доложу. Не беспокойтесь. До свидания.

Она шлепнула трубку, покрутила пальцем у виска, выдернула сигареты из ящика и побежала за подружкой в курилку.

– Аня, ну ты чего? Сколько можно? – возмущалась Соня.

– Вообще, сумасшедшие люди. Где Майя? Дайте мне Майю! Какой-то мент или следователь, я не поняла. Найти не может, ждать не хочет. Ужас!

Соня задумчиво стряхнула пепел с сигареты.

– Следователь... Странно, они что, уже следователей снимают? Ты ей на мобильный звонила?

Анята отмахнулась.

– Звонила. «Абонент недоступен». Они с Зисом поехали куда-то за город, то ли договариваться о съемке, то ли снимать, не знаю... У Зиса телефон тоже не отвечает. Сидят, наверно, в овраге, косяки крутят.

– Слушай, – Соня понизила голос и придвинулась к Аняте. – А они с Зисом это... ну... вместе?

– Ну, вместе они не живут... – авторитетно начала Аня.

– А мне говорили...

– А ты меньше слушай, что говорят, – перебила подругу Анята. – Я точно знаю – не живут!

В курилку заглянула чья-то кучерявая голова.

– Ань, – пробасила она. – Там Карина Матвеевна звонила, так я подошел. А она сначала спросила, что это у тебя с голосом, а потом развела истерику, почему господину следователю со славной фамилией Шох никто не может внятно объяснить, где шляется наш ведущий фотограф.

Аня с досадой выбросила недокуренную сигарету в урну.

– Нет, ну ты подумай! До сестрицы дошел. Теперь, если я этих двух блаженных не откопаю, мне всю биографию испортят!

Соня сочувственно кивнула, а Аня бросилась обратно за рабочий стол и без всякой надежды принялась жать на кнопки, вновь и вновь вызывая отключенные телефоны Майи и Зиса.

Большой джип трясся на кочках по пересеченной местности. Майя подпрыгивала на пассажирском сидении и уже минут пять тщетно пыталась напиться водой из пластиковой бутылки. Она думала, дело в неровностях проселочной дороги, но это было не совсем так. Зис специально направлял машину мимо колеи. Он не простил ее. Это ее «извиняюсь», буркнутое исподлобья, ничуть не походило на настоящее и искреннее раскаяние. За тот ужас, который он пережил в пустой квартире, Зис хотел большего.

Накануне он ушам своим не поверил, когда она наконец позвонила ему и, как ни в чем не бывало, сообщила, что переехала, и позвала посмотреть свою новую квартиру. Послушав бодрый голос в трубке, Зис послал ее к черту, сам отключил телефон и сел в машину. Он несся по городу в надежде не вписаться в поворот и разорвать автомобиль в клочья.

Там, в пустой комнате, его страх потерять Майю стал таким отчетливым, что он испугался. А Зис был не из пугливых. Он понимал, что произошло, догадывался, что она, скорее всего, просто не позвонила, не предупредила, забыла. Собралась и в очередной раз переехала на новое место. Но вид голых стен произвел на него удручающее впечатление. Внезапно Зис понял, насколько зыбким и ненадежным было все то, что связывало их с Майей. Она в любой момент могла уйти, исчезнуть, сгинуть в бесконечной паутине улиц и площадей, и он никогда не нашел бы ее. Зис все не мог избавиться от этого отвратительного чувства беспомощности, которое овладело им посреди оставленной квартиры. Оно мучило его, и он все сильнее давил на газ, стараясь, то ли уйти от преследования, то ли угнаться за невидимой целью.

Его гнев искал выхода и, когда вечером в свете фонаря он увидел группу подростков, ногами избивающую какого-то несчастного, Зис даже обрадовался. Он кое-как затормозил, выскочил из машины и с наслаждением ворвался в центр драки. Воодушевленный своей злостью, Зис, как котят, валял по мостовой распоясавшихся молокососов. Вскоре вся шайка, капая кровью из разбитых носов, разбежалась в темноту, и на дороге остался лежать скулящий мужик. Потирая пораненную руку, Зис склонился над ним и внезапно получил такой удар в челюсть, что сам осел на асфальт, наблюдая стремительный бег нескольких крупных и мириад мелких звездочек перед глазами.

– Ты чего? – только и смог выдохнуть он.

– Это ты чего? – зарычал лохматый тип, предпринимая одну за другой безуспешные попытки встать на ноги. – Тебя кто просил? Чего ты влез-то?

– Но... Как это «чего влез»? – Зис ощупал челюсть. – Тебя убили бы...

– Да кто убил? Это ж сыновья мои. Ты, герой поганый! Мужик наконец встал, свесил гориллы руки до земли и, обдавая Зиса запахом гнили и перегара, приблизил к нему свое испорченное дракой и алкоголем лицо. Это был настоящий пес ночи. Черные выпуклые глаза горели в темноте, свалившаяся шерсть топорщилась на щеках, изо рта сочились слюна и кровь. Зису стало не по себе.

– Это дети мои, ты понял? – утробный рык донесся из зловонной пасти.

Зис отвернулся.

– Что же это за дети такие? Что вы за семья?! – тихо спросил он.

Спустя пару минут длиннопалая фигура маячила уже в конце улицы. Зис еле встал и, ощупывая стремительно опухающую челюсть, поплелся к своей машине.

Ночь у воды

Джип встал в колею и Майя, наконец, прикинула губами к горлышку. Зис нажал на тормоза. Машина резко встала, и вода пролилась куда-то за шиворот Майе.

– Прости, – Зис не отрывал взгляда от дороги. – Не облилась?

В следующую секунду в голову Зису полетела бутылка, и Майя, привычно и смачно ругаясь, осыпала его подзатыльниками и затрещинами. Зис, как мог, уворачивался от побоев и, усмехаясь, покатиł дальше, придерживая руль виляющей по дороге машины. Вскоре они скрылись за поворотом.

Вопреки ожиданиям, ему не пришлось долго уговаривать Майю прокатиться по окрестностям Савельеве. Зная ее нелюбовь к этим местам, он между делом сообщил, что собирается в те края, и поинтересовался, не изволит ли она присоединиться? Неожиданно легко, словно только и ждала этого приглашения, Майя согласилась. Возможно, она все-таки чувствовала себя виноватой, но, скорее всего, не одного Зиса заинтересовала история о доме-призраке, рассказанная Меньшиковой. Они встретились рано утром, Майя пересела к нему в машину, с удивлением покосилась на его подпорченное лицо, но ни о чем не спросила, и они покатали за город.

К вечеру заходящее солнце освещало грязный джип, приткнувшийся у мостков на краю озера. Над водой висели туман и тишина, которую нарушали только треск сверчков и дикая песня на два голоса. Устав от бесплодных поисков, Майя и Зис расположились на небольшом причале, их сутулые черные силуэты четко выделялись на фоне алого неба. В руках у обоих были длинные удочки. Неизвестно какую наживку они использовали, но местная рыба, даже если и была голодной и глупой, на рожон под звуки их разнужданного гимна не лезла.

Майя устала. Из последних сил она принимала участие в концерте, все чаще забывала слова, норовила завалиться набок и забыться крепким сном. Однако Зис не только пел и рыбачил, но еще и внимательно следил за ее состоянием. Стоило Майе на мгновение прикорннуть, как он толкал ее под ребро и громче затягивал свою песню. Майя и Зис были совершенно пьяны.

– Ловись-ловись рыбка, золотая, икрастая, плавникастая, хвостастая... – выводил он заплетающимся языком.

Майя закрыла глаза.

– Майя, Майя! Эй, Эй! Не спать! – переполошился Зис.

– Господи, ну, чего ты от меня хочешь? – взмолилась она, очнувшись и пытаясь разглядеть впотьмах время на своих часиках. – Уже солнце село. Какая рыба?... Мы пьем четвертый час. Как это называется? «Белая крыса»... «кобыла»...

– Дура. «Лошадь». «Белая лошадь», – Зис замолк. Внезапно он вскочил, показывая пальцем на воду.

– У тебя клюнуло!

– Как?!

– Как-как! Не знаю как! Давай, шевелись, подсекай, тащи на берег!

Майя засуетилась. После всего выпитого, в гладких водах спящего под туманами озера ей мерещились стаи мельтешащей рыбы. Она сама заметалась на краю мостков, не выпуская удочки из рук.

– Ой-ой-ой! Зис, что делать, что делать? Просто сомы клюют. Просто сомы. Сонмы сомов атакуют мое удилище...

Зис бегал рядом, давая ценные указания.

– Так, спокойно, спокойно. Вот она! Смотри, смотри, видишь плавник? Это не рыба, это акула. Я тебе говорю– большая савельевская акула. Так, осторожно. Бери левее, подсекай, подсекай... Нет! – вдруг заорал он.

От неожиданности Майя едва не уронила удочку в воду.

– Ты чего?

– Сорвалась! Все. Мы ее потеряли. Она уплыла к своим детям...

Майя застыла, внимательно вглядываясь в безмятежные воды. Все плыло у нее перед глазами. Она постаралась сосредоточиться.

– Так. Не было никакой акулы... Леска за водоросль зацепилась, намоталась, потянулась. Видишь, вон коряжка. Все из-за нее. А мы: «Ах, ах, акула!»

Зис явно подустал в этой возне и неожиданно быстро сдался.

– Ну и ладно, – он отложил свою удочку и лег на спину. Их опять обступила ватная тишина и стремительно сгущающиеся сумерки.

– Слушай, как ты думаешь, а этот дом вообще существует? – спросил Зис.

– Не знаю. А ты? – Майя села рядом.

– Что я?

– Ну, ты что думаешь: существует или нет?

Зис смотрел, как в темнеющем небе вся ярче занимаются знакомые созвездия.

– Думаю, да, – он помолчал. – Ты знаешь, Меньшикова, оказывается, купила тот архив, ну, который сгорел. Им с мужем нужна была биография, и два голодных специалиста по этому делу перетрясли там все до последнего листочка. Сделали им фамилию, родословную и заодно разнюхали все об этих местах. И, кстати, никакая она не Меньшикова. Знаешь, как ее зовут? Не поверишь.

Он помолчал, выдерживая эффектную паузу.

– Ехидна. Ты представляешь, Катерина Сергеевна Ехидна.

– Да черт с ней, – отмахнулась Майя. – Интересно, что с этим домом? Мы же вроде все окрестности прочесали... Ни забора, ни тропинки, никаких следов.

– А ты думала, мы сядем в машину и через полчаса его найдем? – Зис усмехнулся, с неприязнью глядя на постепенно подбирающиеся к ним ключья тумана.

– Слушай, а ты что, замуж совсем не хочешь? – неожиданно сменил он тему разговора.

Майя аж поперхнулась.

– Господи, Зис, ты чего?

– Нет, ну правда, – он приподнялся на локте. – Странно как-то. Сколько лет мы знакомы? – Майя только головой встряхнула. – Ну, хорошо, давно знакомы. Сколько мужиков у тебя было?

– Иди к черту! – отрезала Майя.

– Это понятно... Но чтобы замуж – ни разу не было. Почему?

– Зис, отстань.

– Как это «отстань»? Может быть, я пил ради этого целый день. Ну-ка, отвечай!

Он погладил Майю по ноге, но та раздраженно оттолкнула его руку.

– Ну, послушай! Какой такой «замуж»? Посмотри на меня. Какая я жена? Сиж тут с тобой, с этим, как его... удилищем. Позади го-оды, впереди – непонятно что. Тьма, в которой сгущаются краски заката, – она помолчала. – И потом, эти загсы – это те же морги. Как туда по своей воле можно идти? Я не знаю...

Она откинулась на спину и уставилась в переливавшееся звездами ночное небо. Но у Зиса еще были вопросы.

– А как ты думаешь, почему у нас с тобой никогда ничего не было?

Майя не отозвалась. Зис толкнул ее в бок.

– Ответишь или нет, алкашка?

Тут уж Майя не выдержала и с возмущением развернулась в его сторону.

– Ну что ты ко мне привязался? Сначала замуж, теперь мы с тобой. Ну, хочешь, попробуй, поцелуй меня, посмотрим, что получится.

Зис отвернулся.

– Нет. Я сейчас целоваться не буду. Я подожду.

– Ну и дурак, – проворчала Майя.

Оба замолчали, и вскоре дружное сопение, смешиваясь с бодрым стрекотом сверчков, понеслось над туманом. В наступившей тишине внезапно начала клевать рыба.

Катерина Сергеевна Меньшикова собиралась выходить из дома. Она в полном облачении стояла под сводами холла и никак не могла понять, что же ей мешает взять, наконец, ключи и выйти за порог. То ли она забыла что-то, то ли...

От резкого звука разбившегося где-то в глубине дома стекла она вздрогнула.

– Фаина, – проворчала она. – Фаина!

Второй раз ее голос должен был прозвучать раздраженно и громко. Но – Меньшикова с удивлением прислушалась – он не раскатился мощным эхом по всем коридорам, а беспомощно затих у самого рта, лишенный силы. Никто не отозвался на этот окрик. В доме не было эха. В доме было тихо.

Меньшикова шагнула в сторону гостиной, как вдруг за ее спиной что-то упало на мраморный пол и разбилось. Она вздрогнула. Пока она раздумывала, оборачиваться или нет, раздался еще один удар. Совсем рядом. Раздражение Катерины сменилось испугом.

– Фаина? – уже не вполне уверенная в том, что надо звать домработницу, произнесла она.

Она обернулась. Никого. Прислушалась. Странная тишина. Не слышно ничего. Вообще ничего. Ни единого звука. Меньшикова попятилась.

И вдруг с тугим, мощным стоном взорвались все стекла в доме. Искрящаяся взвесь повисла в воздухе. Лопнула барабанная перепонка и алым змеиным языком выползла из ушной раковины кровь. Густая капля упала на белую блузку. Впиталась. С ужасом Катерина смотрела на внезапно вспыхнувший перед нею сияющий прекрасный мир. Переливающиеся потоки стеклянного песка отражали свет, и она стояла в самом центре этой многогранной радужной призмы...

Меньшикова судорожно вздохнула. Ее легкие мгновенно наполнились острыми кристаллами. Опережая кровь, они понеслись вперед. Она не успела поднять руку, позвать, подумать о помощи, а стекло уже проникло в пульсирующие влажные ткани сердца, наполнило их и застыло. Один за другим пропуская положенные удары, прекрасный плод в ее груди набухал под прозрачной прочной оболочкой. Тонкие стенки покрывались сетью мелких трещин, дрожали, крошились... и, наконец, лопнули. Сердце встало.

Катерина рухнула на пол.

Наступило утро. Машина Зиса огибала большое нескошенное пшеничное поле. Майя со стоном потянулась. После ночи, проведенной на жестких досках у воды, у нее болело все тело. И – она потрогала языком надувшуюся десну – чего-то заныл зуб... Только этого не хватало!

Зис тоже молчал, стараясь отвлечься от шума в голове. Сон, навалившийся этой ночью, утомил его, как длинный день тяжелой физической работы. Едва закрыв накануне глаза, Зис увидел озеро, грязный джип, приткнувшийся у мостков, себя, Майю, удочки, полупустую бутылку виски... И этот отвратительный туман, который напелзал от воды. Непонятно почему, но он вызывал тревогу и ненависть. Вскоре все стало ясно – туман вовсе не был таким невинным. Он был плотным, хищным, ледяным и опасным. Постепенно он заглотил мостки, и Зис почувствовал, что стало трудно дышать, холод сковал тело и испарина выступила на лбу. Он понял, что туман душит их. Заметался, пытаясь разогнать убийственное облако, но было поздно. Воздух покинул легкие и, еще раз дернувшись, Зис замертво упал на доски причала.

Однако смерть оказалась совсем не страшной. Уже через мгновение, закрыв глаза в одной жизни, он открыл их в другой. Сел на мостках. Ничего особенного не произошло. Ни боли, ни страха, ни исполинского космического гула, сотрясающего бесконечность. То же озеро, тот же причал, тот же джип, выглядывавший из-за камышей. Зис осмотрелся. Беспокойство пульсировало где-то в глубине солнечного сплетения. Что-то здесь было не так... Тревога сменилась страхом, страх паникой, и внезапно он понял, что произошло. Он был один на краю этого озера. Майи с ним не было. Мостки опустели. Зис закричал и с этим криком очнулся.

Майи и правда не было рядом. Она стояла у машины и жадно пила воду из пластиковой бутылки. Несмотря на облегчение, которое испытал Зис, проснувшись, странный сон испортил ему настроение. Хотя, возможно, его раздражал не сон, а шум в голове. Но с этим ничего нельзя было поделать, это было похмелье. В последний раз он так напился, когда... впрочем, нет, сил вспоминать сейчас не было. Вскоре они погрузились в машину и джип, взметнув землю из-под колес, выбрался на дорогу из прибрежных камышей.

Они уже приближались к лесу, когда что-то заинтересовало Зиса в тихом шелесте приемника, и он сделал звук погромче. Майя продолжала стонать и вертеться на сидении, тщетно стараясь устроиться поудобнее. Неожиданно Зис схватил ее за плечо.

– Эй, мне же больно! – вскрикнула она.

– Слушай, только что передали... – Зис запнулся. Он резко затормозил и встал на краю поля.

– Да что случилось-то?

Зис кивнул в сторону приемника, еще прибавил звука.

«...никаких следов насилия. Женщину нашли в ее доме в Савельеве. Судя по всему, ни взлома, ни грабежа не было. Эксперты пока затрудняются указать причину смерти...» – звучал тревожный и озабоченный голос диктора.

– О ком это он? – тихо спросила Майя.

Она уже все поняла, но еще надеялась, что ошибается.

– О Меньшиковой, – пробормотал Зис. Диктор эхом подхватил его слова:

– Меньшикова, Катерина Сергеевна, была влиятельной фигурой...

Майя замерла.

– Нет, этого не может быть. Мы же ей фотографии не показали, – вырвалось у нее.

– Да при чем тут фотографии, – Зис по всем карманам искал свой телефон.

Майя молчала. Внезапно справа от машины раздался какой-то шум. Она обернулась. Из глубины пшеничного поля с тревожными криками вырвалась стая птиц. Их было так много, что казалось, в небо вскинули пригоршню черного риса.

Если бы сейчас Зис взглянул на Майю, он не узнал бы ее – ее глаза на миг стали совершенно темными и пустыми. Но Зис возился со своим телефоном и ничего не видел. Наконец, он включил его и чуть не выронил от неожиданности – телефон зазвонил прямо в его руках. Звонки были на обеих линиях.

– Да, я слушаю! – подошел Зис. – Слушаю вас. Говорите! В трубке был тихо.

– Молчат, – Зис с досадой переключился. – Да, я. Карина, привет, да, мы вместе. С ней все в порядке. Да, уже слышали. Понятно. Позвоню, когда подъедем.

Он выключил телефон и посмотрел на Майю. Она тихо сидела рядом, разглядывая пшеничное поле. Зис завел машину, резко тронулся, вырулил на дорогу и вскоре джип въехал в густой лес. Майя отвернулась от окна. В этот момент в глубине густых зарослей промелькнул фасад большого темного дома. Но ни Зис, ни Майя этого не заметили. Машина, огибая Савельево, мчалась по направлению к городу.

Солнечный свет проникал в фотостудию через неплотно задернутые шторы. Накануне, уборщица Валя наводила здесь порядок. По обыкновению ворча, она выкинула переполненные импровизированные пепельницы, которые Майя устраивала изо всего на свете. У нее даже

пустые пластиковые коробки из-под пленки шли в дело, маленькие цилиндры ошетинились окурками и превращались в вонючих никотиновых ежей. Сейчас Валиными усилиями все эти ежи были выброшены, разбросанные вещи сложены, стаканы и чашки прибраны и кофеварка выключена из розетки. И только на рабочем столе оставался полнейший беспорядок.

Когда-то давно, нанимая эту женщину на работу, Зис сумел внушить ей одно непреложное правило уборки в этом месте. Трогать и переставлять можно было все, что угодно, при желании мыть стены и выкидывать старую мебель или посуду. Но ни под каким видом нельзя было наводить порядок на большом столе, на котором все всегда было перевернуто вверх дном, казалось заплеванным, загаженным и безнадежно испорченным.

Зис не на шутку вдохновился и заявил этой спокойной женщине с большими добрыми глазами, что даже если она увидит собачье дерьмо среди бумаг и снимков, ей надо будет кротко помолиться и отойти в сторону. Радикальный пример с собачьими экскрементами почему-то оказался очень доходчивым. Из-за него или благодаря своей природной смекалке Валя никогда не пыталась обойти запрет. Зис и Майя нарадоваться не могли. Они слишком хорошо помнили, как ее предшественница умудрилась однажды вымыть с мылом весь стол и разложить отпечатанные снимки в аккуратные стопки, распределив их по одному ей понятному принципу. Два дня пришлось потратить на ликвидацию катастрофы, а женщину уволить.

Со временем количество фотографий поуменилось, в хозяйстве появился компьютер и цифровая техника, но поскольку и Майя, и Зис предпочитали снимать на пленку, их стол вновь и вновь заваливали отпечатанные братьями Зорькиными снимки.

В тот вечер Валя мыла полы, как всегда, задумавшись о чем-то своем, вроде того, что Костику малы брючки, а Леночку надо бы отвезти на дачу. Она как раз обходила мокрой тряпкой ножки стола, как вдруг ее взгляд привлекли фотографии, по обыкновению в беспорядке разложенные по всей поверхности. Как правило, на этих снимках были изображены какие-то чудные, богато убранные дома, роскошные комнаты, всевозможные дорогие вещи. Валя краем глаза заглядывалась на все эти красоты, но никогда не соблазнялась. Она с молодости верила в честно заработанный кусок и считала, что жить в таких хоромах могут только духи или воры. Портреты воров часто лежали тут же, рядом на столе. Сытые лица.

Холеные женские и напряженные мужские. Валя не любила их. Но в тот день она увидела нечто особенное.

Она склонилась над фотографией красивой дородной женщины, раскинувшейся на невысоком диване в шикарной гостиной. «Хороша...» – вскользь с уважением подумала о ней Валя. Но присматривалась она не к ней – за спиной женщины она увидела странный силуэт. Изображение мерцало – чья-то высокая полупрозрачная фигура то исчезала, то проявлялась. В какой-то момент Валя смогла различить черты лица. Это был мужчина – впалые щеки, жесткая линия рта...

Она протянула руку, чтобы взять и как следует рассмотреть странный снимок, как вдруг электрическая лампочка с треском взорвалась над столом и брызнула во все стороны дождем мелкого стекла. Валя с криком отпрянула и поспешила прочь. Кое-как домыв полы, она переоделась и, стараясь не смотреть в сторону стола, засыпанного осколками лопнувшей лампы, убежала из студии.

Сейчас, в лучах дневного света, проникавших сквозь неплотно прикрытые шторы, тот снимок был хорошо виден. На фотографии Катерина Меньшикова полулежала на канapé у высокого, в пол окна. Мягкий дневной свет освещал ее сбоку. Никого, кроме нее, на снимке не было. Только стеклянная крошка лежала на фотографии.

Обед с Кариной

В элегантном ресторане заканчивалось время обеда. Зал почти опустел, и только в углу у окна остались сидеть две женщины – Майя и ее сводная сестра Карина. Карина сделала заказ, отложила меню и откинулась на спинку стула.

Ей было слегка за сорок, но благодаря неустанной заботе о себе и своем теле она добилась того, о чем мечтает любая женщина. Она добилась невозможного. Время отступило. Карина блистала молодостью, здоровьем и дорогими украшениями. При взгляде на нее на ум приходили эпические картины из жизни ее, несомненно, большой и шумной семьи – благообразные и состоятельные родители, с улыбкой встречающие красивую старость, дети, поражающие воображение взрослых смелостью своих идей и высказываний, муж – очевидно герой, личность, большой человек. А также всевозможные сестры, братья, племянники, двоюродные дяди, троюродные тети и вечно гостящие в огромном доме совершенно чужие, но исключительно интересные и, может быть, даже гениальные постояльцы. Однако все было совсем не так.

Замужем Карина была, и не раз, одного из мужей даже любила, но все равно развелась, сохранив свою бесценную свободу. Майя – чужая по крови девочка, которую удочерили ее родители, была всей ее семьей. Своих детей Карина не имела и никогда об этом не жалела. Ей и без того хватало забот.

Железной рукой она управляла большим издательством, нанимала и увольняла людей с одним и тем же выражением на лице и не брезговала ничем, когда надо было устроить свои дела и потеснить конкурентов. В коридорах до сих пор ходили слухи о том, как Карина обошлась с неким Клаусом Шульцем, немецким волкодавом, который на свою голову захотел отобрать у нее бизнес в пользу своей компании.

Карина стала любовницей этого невзрачного, но цепкого клеща от издательского бизнеса, за месяц растопила его цельнокроеное сердце и, дождавшись подходящего момента, без малейшего сожаления уничтожила, предоставив его хозяевам пачку компрометирующих документов. Расправа последовала незамедлительно. Незадачливого жениха, который уже купил обручальные кольца, сослали на китайские плантации, где его хватил сначала один удар, потом другой, а Карина тем временем заключила со своими вчерашними конкурентами крайне выгодный контракт на издание нескольких новых журналов. Говорили, что немец едва не тронулся рассудком и, перебираясь из одной лечебницы в другую, все никак не мог пережить того, что он, сам большой подлец и пройдоха, попался, как мальчишка. Карина, до которой доходили разговоры о его плачевном положении и ее сучьем характере, только пожимала плечами. Она знала, выиграй этот Шульц, некому было бы судачить, большинство сотрудников были бы уволены и распушены на все четыре стороны. Однако, раздосадованная этим шушуканьем по углам, Карина однажды рано утром собрала всех в большом зале.

Вызывая сотрудников к себе по одному, она спрашивала, что для них привлекательнее – здоровая атмосфера на хорошо оплачиваемой работе или полная свобода высказываний с видом на улицу. Так или иначе, но все склонялись к первому. Когда после нескольких часов напряженного допроса, Карина убедилась, что все хотят работать, и никто не хочет революций, она встала, сообщила, что за слухи и сплетни будет увольнять без объяснений, нежно улыбнулась и объявила сегодняшний день выходным.

Больше никаких вопросов ни у кого не возникало. Шептаться в коридорах и курилках, конечно, не перестали, но ужас перед этой ведьмой держал всех в тонусе. От немецкого предпринимателя вестей больше не поступало. Инцидент был исчерпан. Один из новых журналов стал авторитетным изданием в области архитектуры и дизайна и прекрасно вписался в стратегические планы компании. Карина получила пару выгодных кредитов, купила большую квартиру с роскошным видом и позвала на должность ведущего фотографа Майю. А потом и Зиса.

Предложение сестры было заманчивым, и Майя, которая никогда не принимала помощи из личного кошелька Карины, вечно сидела без средств и подрабатывала случайными заказами, задумалась. Она была отличным фотографом, но на вольных хлебах и с ее характером много и регулярно зарабатывать не получалось. Деньги как таковые Майю не интересовали, ей самой не много было надо. Но для того, чтобы заниматься тем, чем ей хотелось, нужно было оплачивать и технику, и оптику, и студию, да и все ее съемные квартиры требовали средств...

Крохи практицизма подсказывали Майе, что предложение Карины выгодное и интересное во всех отношениях, но просто сказать «Спасибо, да!» она не могла. Майя делала вид, что свобода дороже счета в банке и вообще, это все не для нее, но когда Карине это надоело, и она удвоила сумму, Майя сдалась. У нее больше не осталось аргументов. Она через силу сказала: «Я согласна», почти месяц чувствовала себя вымогателем и не звонила сестре...

Майя залпом выпила свой бокал и с кислым видом уставилась в меню.

– Ну, не расстраивайся ты так, – попыталась подбодрить ее Карина.

Майя выразительно взглянула на сестру. Это было не расстройство. Это была катастрофа. Накануне, где-то там, в туманах савельевского озера она умудрилась потерять свои часы. Майя не страдала излишней рассеянностью, но порой у нее, как у любого человека, что-то пропадало. Иногда временно, иногда безвозвратно. Она не была привязана к вещам и никогда особенно не горевала о пропажах. Но эти часы, переделанные из старинного медальона, с ее именем, выгравированным на внутренней стороне крышки, были не просто дорогой безделушкой, они были предметом из ее прошлого.

Майя постоянно носила часики на запястье, спала в них, снимала, только когда отправлялась в душ или купаться, но была очень внимательна и успокаивалась, лишь застегнув ремешок на руке. Она не любовалась часами, не испытывала какого-то удовольствия от обладания ими. Они были ее привычкой, ее талисманом и, столкнувшись с этой потерей, Майя растерялась. Поиски в районе проклятого савельевского озера ничего не принесли. Это было так сокрушающее несправедливо, что она даже всплакнула, чего с ней никогда не случалось, и еще больше возненавидела эти места.

Теперь, сидя в ресторане, она все смотрела в меню, тщетно стараясь сосредоточиться и что-нибудь выбрать.

– Не знаешь, что взять? – спросила Карина. Майя покачала головой.

– Не знаю...

Она отложила меню и отвернулась к окну. За стеклом пробегали люди, проплывали автомобили и спешили по небу облака. Два лохматых бездомных барбоса львами сидели на газоне в тени большого дерева. Несмотря на помятые бока, вид у них был гордый и независимый. Внезапно один из них зевнул, раскрутив трубочку розового языка, и тут же завалился на бок, сраженный дремотой жаркого летнего дня. Майя отвлеклась от псов. зуб ныл все сильнее. Она провела языком по припухшей десне. Вдохнула. Похоже, все-таки придется идти к врачу...

Карине уже принесли заказ и, изящно орудуя ножом и вилкой, она поела салат, состоявший из полупрозрачных ломтиков экзотических фруктов, овощей и сбрызнутый бальзамической заправкой.

– Как Зис? – Карина отпила вина.

– Нормально, – Майя не любила обсуждать с сестрой своего напарника.

Зис был уверен в том, что Майе вообще не нужны собеседники, она терпеть не могла болтать с подружками, да их у нее и не было. Тем более у нее не было желания говорить о Зисе с Кариной. Как бы ни складывались их отношения, она считала Зиса частью своего мира, а пускать в свой мир сестру или еще кого-то она не собиралась.

Майя взглядом поманила официанта. Но не тут-то было. Он даже бровью не повел. Здесь недолюбливали Майю за неформальный вид и независимый нрав. Майя отвечала тем же, грубила и не оставляла чаевых. Карина заметила злобный огонь, вспыхнувший в глазах сестры.

– Федор, подойди, – позвала она официанта. Естественно, к ней он подскочил немедленно и изогнулся лстивой водорослью. «Подхалим поганый», – подумала Майя.

– Слушаю вас, – пропел он, обращаясь к Карине.

– Скажи ему, что я хочу кусок шоколадного пирога и еще воды, – с ненавистью глядя прямо в глаза официанту, сказала Майя. Карина усмехнулась.

– Федор, принеси воду и шоколадный десерт. Спасибо. Официант испарился, Майя презрительно проводила его взглядом.

– Что б ты упал за дверью!

Карина только брови подняла и закурила. Она любила Майю, но хорошо понимала, с кем имеет дело, поэтому вела себя с сестрой, как той хотелось – просто, жестко и быстро. Причины подспудной неприязни, которую всегда испытывала к ней Майя, были ей понятны. Это поначалу Карина злилась, не чувствуя никакого ответа на любовь и заботу, которыми она старалась окружить приемную сестру. Но со временем осознала, что, возможно, окажись она на месте Майи, ей тоже было бы сложно смириться с тем, что у кого-то было все – мать, отец, дом, детство, воспоминания, друзья, подружки, а у нее – ничего. Только пустой медальон на цепочке.

Родители Карины забрали девочку из савельевского интерната тусклым дождливым утром. История ее появления в приюте была туманна. Рассказывали, что причиной смерти ее семьи стала авария на дороге. Машины столкнулись, погибли все. Малышка чудом уцелела. Домработница Лиза, которая убиралась у них в доме и подрабатывала мытьем полов в савельевском интернате, прожужжала уши матери Карины, каждый день начиная с рассказов о странной девочке, которую недавно привезли в приют, которая почти не ест, не спит и все время молчит, глядя сквозь людей и стены. Неизвестно, какие цели преследовала Лизка, но однажды утром после бессонной ночи мать встала, собралась, взяла с собой Карину и вместе с ней отправилась в интернат.

Карина на всю жизнь запомнила тот день. Она, счастливый и довольный жизнью ребенок из обеспеченной и любящей семьи, как будто остекленела, попав в сырые и темные коридоры приюта. Тоской и печалью были пропитаны серые стены, и никакие деньги мира никогда не сделали бы это место счастливым.

Майя в перепачканном белом платье с поникшим красным бантом на груди тихо сидела одна в общей комнате на своей прибранной постели. В ее глазах была пустота и такая боль, что, мать Карины мгновенно приняла решение.

Вскоре, неожиданно быстро, словно по волшебству преодолев формальности и подписав все документы на удочерение, девочку забрали. Так у Карины появилась сестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.